Черный лед

Автор:
Бекка Фитцпатрик

Черный лед

Бекка Фитцпатрик

Main Street. Коллекция «Дарк»

Планируя поход в горы, Бритт на самом деле надеялась, что обязательно встретит там своего бывшего, Кэла, и докажет ему, как он ошибся, расставшись с ней. Она даже придумала себе фальшивого воздыхателя, который неожиданно поддержал ее игру.

Однако разразившаяся непогода заставила Бритт с подругой постучаться в чужой дом и воспользоваться гостеприимством привлекательных незнакомцев. Только дом почему-то не производит впечатление обжитого, а страшная находка превращает укрытие в тюрьму, а девушек – в заложниц или будущих жертв.

Напряженный романтический триллер от Бекки Фитцпатрик, автора мегапопулярной саги «О чем молчат ангелы.

Бекка Фитцпатрик

Черный лед

Райли и Джейсу, рассказывающим мне истории

Becca Fitzpatrick

BLACK ICE

Published by arrangement with the author and InkWell Management Literary Agency and Synopsis Literary Agency

© Copyright © 2014 by Becca Ajoy Fitzpatrick

© П. Волцит, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», издание на русском языке, 2016

Благодарности

Эту книгу вылепили многие руки.

Я благодарна своему редактор Зарине Джэффери за мудрость и увлеченность. Некоторые лучшие места в этой книге – ее заслуга.

Кристиан Титер и Хизер Зандел. Писатель не мог бы пожелать первых читателей лучше и сестер чудеснее! Я никогда не боялась, что вы не скажете мне именно то, что на самом деле думаете про «Черный лед». В конце концов, вы говорили мне, что думаете о моей одежде, прическе, парнях и вкусах в музыке и кино, с самого детства. Вы – лучшие.

Я не могу не упомянуть Дженн Мартин, мою помощницу, чей мозг работает совсем иначе, нежели мой: он организованный! Дженн, спасибо тебе за то, что взяла на себя все остальное, позволив мне сосредоточиться на написании книги.

Спасибо моим друзьям в издательстве «Саймон энд Шустер», включая Джона Андерсона, Джастина Чанду, Энн Зэфиан, Джулию Магуайр, Люси Рут Камминс, Крисси Ноу, Кэти Хершбергер, Пола Крайтона, Суджи Ким, Дженику Нэсуорти и Чаву Уолин: о лучшей издательской команде я и мечтать не могла. Жму руки и

обнимаю всех сразу.

Катарин Винке, спасибо Вам за редактирование «Черного льда».

Как всегда, я высоко ценю деловую хватку и проницательность моего агента Кэтрин Дрэйтон. Кстати, об агентах: мне повезло работать с лучшими агентами по международным правам в нашей отрасли. Спасибо, Линдси Блессинг, за то, что вложила мои книги в руки читателей по всему миру.

Эрин Тангеман из офиса генерального прокурора Небраски заслужила овации, отвечая на все мои вопросы, связанные с законом. Все ошибки – только мои.

Спасибо Джейсону Хейлу, придумавшему рыбацкие слоганы на бампере джипа Бритт.

Я знаю: Джош Уолш, как человек скромный, уже устал от постоянных упоминаний в моих книгах, но его познания в фармацевтике невозможно переоценить.

И, наконец, дорогие мои читатели, эта книга попала вам в руки прежде всего благодаря вам самим. Не знаю, как благодарить вас за то, что читаете мои истории.

Апрель

Ржавый «Шеви»-пикап со скрежетом остановился, и Лорен Хантсмен, стукнувшись головой о стекло, проснулась.

Вздрогнув, она несколько раз нетрезво сморгнула. В мозгу кружились обрывки воспоминаний, обломки, из которых – только бы удалось собрать их вместе! – могло еще сложиться что-то целое. Окно в начало сегодняшнего вечера. Но пока осколки разбитого окна валялись на дне трясущейся головы.

Лорен припоминала какофонию музыки кантри, буйное веселье, сводки НБА на экранах поверх голов. Приглушенное освещение. Полки, заставленные

дюжинами бутылок, поблескивавших зеленью, янтарем и чернотой.

Чернота.

Она попросила плеснуть ей из той бутылки – от нее приятно кружилась голова. Твердая рука не успела наполнить стопку, как Лорен уже опрокинула ее в глотку.

– Еще одну, – хрипло велела она, стукнув пустой емкостью по стойке.

Лорен вспомнила, как плавно покачивалась, прижимаясь к ковбою, в медленном танце. Как стащила его шляпу – на ней она смотрелась лучше. Черный «стетсон», так шедший к ее коротенькому черному платью, черному пойлу и паршивому черному настроению. О последнем, к счастью, легко забывается в такой обшарпанной забегаловке, как эта – редкий подарок среди баров в задирающем нос ла-ди-дашном мире долины Джексон-Хоул в Вайоминге, куда она приехала с семьей на отдых. Ей удалось ускользнуть, здесь родители ни за что ее не отыщут, – эта мысль оставалась светлой полосой на горизонте. Скоро она так надерется, что едва ли вспомнит, как они выглядят. Уже сейчас их осуждающие нахмуренные физиономии мелькали в сознании потеками непросохшей краски, сползающими по холсту.

Краска. Цвет. Искусство. Она пыталась сбежать туда, в мир заляпанных джинсов, перемазанных пальцев и просветленной души, но «предки» тащили ее назад, останавливали. Им не нужен художник-неформал в семье. Им нужна дочь с дипломом Стэнфорда.

Если бы они просто любили ее. Тогда бы ей не нужно было носить тесные дешевые одежонки, так бесившие мать, или предаваться страстям, оскорблявшим эгоизм и аристократическую чопорность отца.

Она почти жалела, что матери нет рядом и та не может полюбоваться, как доченька извивается у ноги ковбоя. Как трется бедром о его бедро, шепча ему в ухо самую непристойную похабень, какую только смогла придумать. Они прервались, только когда он пошел к стойке принести ей новый стакан. Лорен могла поклясться, что вкус стал другим. Или она уже так надралась, что ей почудился горький привкус?

Ковбой спросил, не хочет ли она где-нибудь уединиться.

Лорен раздумывала всего мгновение. Если мать не одобрит, значит, ответ очевиден.

Пассажирская дверь «Шеви» распахнулась. Взгляд Лорен на короткое время перестал метаться из стороны в сторону и сфокусировался на ковбое. Она впервые заметила кривую переносицу – возможно, «трофей», полученный в пьяной драке. Открытие, что у него горячий нрав, по идее, должно было еще сильнее «завести» ее, но – даже странно – она поймала себя на мысли, что предпочла бы подцепить мужика, упражняющегося в сдержанности, а не в инфантильных вспышках. Такого рода «культурное» замечание могла бы отпустить мать. Мысленно высмеяв себя, Лорен списала свою раздражающую разборчивость на усталость. Ей нужно поспать. Немедленно.

Ковбой снял с нее «стетсон» и вернул на свою неряшливую копну русых волос.

– Кто нашел, того и шляпа, – хотела было возмутиться она, но не смогла заставить губы двигаться.

Он поднял ее с сиденья и вскинул на плечо. Платье сзади задралось вверх, но руки отказывались подчиняться, чтобы поправить его. Голова была тяжелой и хрупкой, как одна из хрустальных ваз матери. Удивительно, но едва она об этом подумала, голова чудесным образом прояснилась и как будто поплыла отдельно от тела. Лорен не могла вспомнить, как здесь оказалась. Они приехали на машине?

Девушка уставилась на пятки ковбойских ботинок, чавкавших по слякоти. Ее подбрасывало на каждом шагу, и от этого начинало тошнить. Жгуче-холодный воздух, смешиваясь с резким озоном сосен, обжигал ноздри. Поскрипывали садовые качели, музыкальная подвеска мелодично позвякивала на ветру во мраке. От этих звуков она вздохнула. Содрогнулась.

Лорен слышала, как ковбой открыл дверь. Она изо всех сил старалась разлепить веки, пытаясь осмотреться. Утром надо будет позвонить брату и попросить заехать за ней. «При условии, что смогу объяснить, где я», – с усмешкой подумала девушка. Брат отвезет ее домой, ругая за безрассудство и

«саморазрушение», но обязательно приедет. Он всегда приезжает.

Ковбой поставил ее на ноги, обхватив за плечи, не давая упасть. Лорен вяло огляделась. Хижина. Он привез ее в бревенчатую хижину. Комнатенку, в которой они стояли, заполняла грубо сработанная мебель из сосны, которая показалась бы жалкой везде, кроме бревенчатого дома. Открытая дверь в дальней части комнаты вела в небольшую кладовку с пластиковыми стеллажами по стенам. Она была практически пустой – только какой-то непонятный шест от пола до потолка и направленная на него камера на треноге.

Несмотря на туман в голове, Лорен почувствовала, как страх медленно забирает ее в тиски. Нужно выбраться отсюда. Здесь что-то не так.

Но ноги не двигались.

Ковбой прислонил девушку к шесту. Едва он выпустил ее, и Лорен осела на пол. Туфли на шпильках соскочили с разъехавшихся ног. Она была слишком пьяной, чтобы снова встать. Кружилась голова, девушка моргала слипавшимися веками, пытаясь найти дверь, которая бы вела из кладовки. Чем больше она пыталась сосредоточиться, тем быстрее вращалась комната. Ее вывернуло – Лорен успела наклониться в сторону, чтобы не запачкать одежду.

– Ты оставила это в баре. – Ковбой надвинул ей на голову бейсболку с «Кардиналами»[1 - Распространенное прозвище спортивных команд Стэнфордского университета. Дано за красный цвет логотипа и др. университетской символики.] – подарок брата в честь поступления в Стэнфорд несколько недель назад. Наверное, родители подговорили. Подарок прибыл подозрительно быстро после того, как она объявила, что не станет там учиться – и в любом другом колледже. Задыхаясь от гнева, отец так покраснел, что у него чуть пар из ушей не пошел, как в мультике.

Ковбой стащил с ее шеи золотую цепочку, грубо, через голову, царапнув кожу на щеке своими шершавыми пальцами.

– Ценный? – спросил он, разглядывая медальон в форме сердечка.

– Мой, – просительно пролепетала она. Пусть забирает свой вонючий «стетсон», но медальон – ее: двенадцать лет назад родители подарили его в день первого

выступления дочери в балетной студии. Тогда они в первый и последний раз одобрили хоть какое-то ее начинание. И теперь медальон служил напоминанием о том, что где-то в глубине души отец и мать все-таки любили дочь. Во всем остальном, что не касалось занятий балетом, она удостаивалась лишь приказов, понуканий, и все ее детство было отлито в форму их убеждений.

Два года назад, когда Лорен исполнилось шестнадцать, у нее прорезались собственные желания. Живопись, театр, инди-оркестры, провокационные современные танцы-импровизации, сборища политиков и интеллектуалов (не хиппи!), оставивших колледжи в поисках альтернативного образования, и парень с блестящими извращенными мозгами, который курил травку и исписывал стихами стены церквей, садовые скамейки, машины и ее изголодавшуюся душу.

Родители не скрывали отвращения к новому образу жизни дочери. Вводили комендантский час и бесчисленные правила, укрепляли стены ее темницы, выдавливали дыхание жизни из ее груди. Открытое неповиновение – все, что Лорен могла придумать в ответ. Сама плакала, закрывшись в комнате, когда бросила балет, но надо же было сделать им больно. Она не позволит родителям выбирать только те кусочки себя, которые они согласны любить. Либо она вся, безраздельно и безусловно – их, либо полностью для них потеряна. Таковы ее условия. И в восемнадцать решение Лорен оставалось твердым, как сталь.

– Мой, – повторила она, собрав все силы, чтобы вытолкнуть из себя одно слово. Нужно вернуть медальон и убраться отсюда. Это она понимала. Но ее поразило какое-то странное искажение восприятия: она глядела на мир, не ощущая эмоций.

Ковбой повесил медальон на дверную ручку и грубой веревкой связал девушке запястья. Лорен вздрогнула, когда он рывком затянул узел. «Он не может так поступать со мной, – бесстрастно подумала она. – Я пошла с ним добровольно, но не соглашалась на такое».

– Меня… отпусти, – выдавила она. Жалкое, неубедительное требование заставило ее щеки вспыхнуть от унижения. Она любила правильную речь: слова тщательно подобраны, крепко сбиты, красивые, яркие, мощные; как ей хотелось сейчас извлечь все эти слова из кармана, но, потянувшись за ними, она обнаружила лишь оборванные нитки – дырку. Все вываливалось из ее одурманенной головы.

Лорен бессмысленно дернулась вперед. Ковбой привязал ее к столбу. Как же ей теперь вернуть медальон? Мысль, что он для нее потерян, обожгла грудь, оставив внутри глубокую царапину страха. Только бы брат перезвонил. Она оставила ему сообщение, что собирается сегодня вечером напиться, – в качестве проверки. Лорен постоянно – почти каждые выходные – проверяла его, но сейчас он впервые не ответил. Ей хотелось знать, что она ему небезразлична, что он попытается убедить ее не делать глупостей.

Или он, наконец, махнул на нее рукой?

Ковбой пошел к выходу, у двери насмешливо приподнял шляпу, самодовольно и алчно оглядев ее. Лорен осознала всю чудовищность своей ошибки. Она ему даже не нравилась! Он что, собирается шантажировать ее компрометирующими фотографиями? Для того и камера? Должно быть, негодяй знает: родители заплатят любые деньги.

– У меня есть для тебя сюрприз в сарае за домом, – протянул он. – Никуда не уходи, слышишь, детка?

Дыхание Лорен стало быстрым и беспорядочным. Ей хотелось сказать ему все, что она думала о его «сюрпризе». Но веки бессильно опускались, и каждый раз поднять их требовало все больше усилий. Она заплакала.

Лорен и раньше случалось напиваться, но так – никогда. Подонок явно опоил ее, должно быть, подсыпал что-то в ее стакан, лишив сил и воли к сопротивлению. Девушка стала перетирать веревку о шест. Попыталась. Все тело тяжелело от сонливости. Нужно сопротивляться. Когда он вернется, наверняка случится что-то ужасное – нужно заговорить ему зубы, помешать…

Темный силуэт нарисовался в дверях быстрее, чем она ожидала. Свет в комнате, падавший на него сзади, отбрасывал на пол кладовки тень вдвое выше ростом. Теперь он был без «стетсона» и казался крупнее, чем ей запомнилось, но не это приковало внимание Лорен – его руки. Мужчина резко дергал ими натянутую веревку, проверяя, выдержит ли.

Подойдя к ней, он трясущимися руками обхватил веревкой шею девушки. Стоя за ее спиной, притянул к шесту. Из глаз посыпались искры – так сильно он

дернул. Лорен поняла, что он нервничает из-за возбуждения – она чувствовала, какой жадной дрожью бьется его тело, слышала прерывистое хриплое дыхание, все убыстрявшееся, но не от напряжения – от адреналина. Живот скрутило страхом – он наслаждается всем этим. Уши девушки заполнил незнакомый булькающий звук, и она с ужасом осознала, что это ее голос. Звук, казалось, напугал его: он выругался и натянул веревку сильнее.

Лорен завопила, снова и снова – крик рвался наружу, но оставался в ней. Она беззвучно кричала, а веревка давила все туже, подтягивая ее к смертному краю.

Ему не нужны фотографии. Он хотел ее убить.

Она не позволит этому ужасному месту стать ее последним воспоминанием. Закрыв глаза, Лорен погрузилась во мрак.

Год спустя

Глава 1

Если и умру, то уж точно не от переохлаждения.

Так я решила, запихивая и пристегивая ремешками спальник на гусином пуху в багажник своего джипа Wrangler – в дополнение к пяти мешкам экипировки, флисовым и шерстяным одеялам, шелковым вкладышам, химическим грелкам и «пенкам». Убедившись, что за три часа езды до Айдлвайлда ничего не вывалится, я захлопнула заднюю дверь и вытерла руки о шорты.

Мобильник нежно запел голосом Рода Стюарта «Если хочешь мое тело»[2 - Da Ya Think I’m Sexy? (1978)], но я не стала отвечать сразу, чтобы успеть подпеть ему: «и считаешь меня сексуальным». На другой стороне улицы миссис Притчард с грохотом захлопнула окно гостиной. Не могла же я, в самом деле, допустить, чтобы такой чудесный сигнал вызова пропал впустую!

– Привет, малышка, – бросила Корби, лопнув пузырь жвачки прямо в трубку. – Мы по плану или как?

– Небольшая проблема: в машине маловато места, – сообщила я с театральным вздохом. Мы с Корби дружили уже целую вечность и стали почти как сестры. Поддразнивание было одним из любимых наших развлечений. – Упихнула спальник и одежду, но придется выложить один мешок: такой синий с розовыми тесемками.

– Только попробуй выбросить мои вещи – навеки распрощаешься с грязными деньжатами нашей семьи.

– Так и знала, что ты начнешь козырять своей богатой семейкой.

– А чего стесняться, если все так и есть? В любом случае, все претензии к тем, кто нанимает мою маму, чтобы развестись. Если бы люди умели просто поцеловаться и помириться, она бы осталась без работы.

– Тогда пришлось бы тебе самой пошевелиться. По мне, развод – это потрясно!

Корби фыркнула.

– Только что звонила Медведю. Он пока даже не начал собираться, но божится, что присоединится к нам в Айдлвайлде еще до вечера. – Семья Корби владела Айдлвайлдом, роскошным домом в национальном парке Гранд-Титон, и на всю следующую неделю это место становилось для нас самым близким островком цивилизации. – Но я сказала ему: если мне придется самой выгонять летучих мышей из-под крыши, его ждет долгий период воздержания до конца весны.

– Все еще не могу поверить, что родители позволяют тебе проводить весенние каникулы вместе с парнем.

– Ну… – нерешительно протянула Корби.

– Так и знала! Что еще, выкладывай.

– В качестве дуэньи едет Келвин.

– Что?

Корби изобразила, что ее тошнит:

– Он приехал домой на весенние каникулы, и папа заставляет его ехать с нами. Я с ним еще не говорила, но он, наверное, просто в ярости. Он терпеть не может, когда отец указывает ему, что делать. Особенно теперь, когда он в колледже. Кэл будет в ужасном настроении, и мне придется это терпеть.

Я опустилась на бампер джипа, ноги внезапно показались ватными, стало трудно дышать. Призрак Келвина полез сразу из всех щелей. Я вспомнила наш первый поцелуй: мы тогда играли в прятки на берегу реки за его домом, он провел пальцем по бретельке лифчика и разомкнул языком мои губы, а над ухом звенел комар.

Я извела пять страниц дневника, описывая тот вечер, – все писала и писала, до одури.

– Он будет дома с минуты на минуту, – продолжила Корби. – Хреново, правда? В смысле: вы же с ним расстались, да?

– Еще как, – заверила я подругу, надеясь, что придала голосу умудренность опытом и пресыщенность.

– Мне бы не хотелось, чтобы все чувствовали себя неловко, понимаешь?

– Ой, я тебя умоляю! Я уже тысячу лет не думала о твоем брате. – И тут меня осенило. – А что, если я пригляжу за тобой и Медведем? Скажи предкам, что мы обойдемся без Келвина. – Откровенно говоря, я не была готова к встрече с Келвином. Может, удастся соскочить? Сказаться больной. Но это была моя поездка! Я столько усилий приложила, чтобы она состоялась. И не позволю Келвину все испортить. Напортился уже, хватит.

– Они на это не купятся, – вздохнула Корби. – Келвин встретит нас в Айдлвайлде сегодня вечером.

– Сегодня? А как же его барахло и все такое? Когда он успеет собраться? У нас несколько дней ушло на сборы.

– Слушай, это же Келвин. Он, считай, наполовину горец. Подожди – Медведь на второй линии. Я тебе сейчас перезвоню.

Я повесила трубку и развалилась на траве. Вдохни, выдохни. Надо же: именно тогда, когда я наконец-то окончательно выбросила его из головы, Келвин снова появляется в моей жизни, заставляя меня переживать все по второму кругу. Можно только посмеяться над иронией судьбы. Он всегда оставлял последнее слово за собой, фыркнула я.

Конечно, какие ему долгие сборы – он практически вырос во время походов вокруг Айдлвайлда. Все его снаряжение, скорее всего, лежало собранным в шкафу – только руку протяни.

Я перемотала на несколько месяцев назад, мысленно вернувшись в осень. Келвин и пяти недель не проходил в первокурсниках Стэнфорда, когда бросил меня. По телефону. Именно в тот вечер, когда был так нужен мне. Не хотелось даже вспоминать, как прошел тот вечер и чем закончился. Мне все еще было больно.

Позже, пожалев меня, Корби неожиданно позволила мне распланировать последние школьные каникулы в надежде, что мое настроение улучшится. Две наши самые близкие подруги, Рейчел и Эмили, отправлялись на Гавайи. Мы с Корби подумывали поехать с ними, поваляться на пляжах Оаху, но я, должно быть, оказалась любительницей мазохизма, потому что сделала Гавайям ручкой и объявила, что через шесть месяцев мы отправляемся в поход в Титон[3 - Горный хребет в штате Вайоминг.]. Если Корби и догадалась, почему я выбрала горы, у нее хватило такта промолчать.

Я знала, что каникулы Келвина совпадают с нашими, знала и то, как он обожает походы по Титону, – и надеялась, что, услышав о нашей поездке, парень увяжется за нами. Мне отчаянно хотелось провести с ним время, заставить его увидеть меня с другой стороны и пожалеть о том, что у него хватило глупости бросить меня.

Но после нескольких месяцев молчания с его стороны я наконец поняла, что? он хочет мне этим сказать: Келвина не интересовала поездка с нами, поскольку его не интересовала я. Он не хотел возвращаться ко мне. Я распрощалась со всеми мечтами о «нас» и ожесточила свое сердце. С Келвином покончено. Это мой поход.

Заставив себя отвлечься от горьких воспоминаний, я попыталась сосредоточиться на дальнейших действиях. Келвин возвращается домой. Спустя восемь месяцев я увижу его, а он – меня. Что я скажу? Не будет ли мне неловко?

Разумеется, будет.

Со стыдом поймала себя на потрясающе бесполезной мысли: не поправилась ли я с тех пор, как он видел меня последний раз. Кажется, нет. Уж в любом случае, после занятий бегом и поднятием тяжестей – так я готовилась к походу, ноги пришли в отличную форму. Я пыталась зацепиться за мысль о том, какие теперь у меня сексуальные ножки, но лучше от этого не стало. Наоборот, чуть не затошнило. Я еще не была готова увидеться с Келвином – мне казалось, все прошло, но сейчас обида нахлынула вновь, заполняя грудь.

Заставив себя несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться, я прислушалась к бормотанию радио. Музыку сменил прогноз погоды:

«…два штормовых вихря надвигаются на юго-восток Айдахо. К вечеру вероятность дождя составит девяносто процентов, возможны грозы с порывами сильного ветра».

Сдвинув темные очки на лоб, я прищурилась, уставившись в небо, – голубое от горизонта до горизонта. Ни намека на облака. И все равно, если надвигался дождь, я хотела бы стартовать до него. Удачно, что мы ехали из Айдахо в Вайоминг, как раз убегая от дождя.

– Папочка! – завопила я, благо окна дома были открыты.

Мгновение спустя отец появился на крыльце. Я вытянула шею – посмотреть на него – и соорудила свою лучшую гримаску малышки с надутыми губками.

– Мне нужны деньги на бензин, папочка.

– А куда делись те, что я уже давал?

– Но мне же нужно было купить снаряжение в поход, – оправдывалась я.

– Тебе не говорили, что деньги не растут на деревьях? – поддразнил меня папа, снисходительно покачивая головой.

Я вскочила и чмокнула его в щеку.

– Мне, правда, очень нужны деньги на бензин.

– Ну, конечно, нужны. – Он открыл бумажник и с легким вздохом выдал мне четыре выцветших помятых двадцатки. – Следи, чтобы бензина оставалось не меньше трети бака, слышишь? В горах заправок мало, и нет ничего хуже, чем застрять, оказавшись без топлива.

Я сунула деньги в карман и кротко улыбнулась:

– На всякий случай спи с мобильником и буксирным тросом под подушкой, ладно?

– Бритт!..

– Шучу, шучу, пап, – захихикала я. – Не застряну.

Я запрыгнула в джип. Верх был откинут, и солнце как следует поработало над подогревом сидений. Усевшись повыше, я посмотрелась в зеркало заднего вида. К концу лета волосы станут совсем светлыми. А ряды веснушек пополнятся десятком новобранцев. Я унаследовала немецкие гены с папиной стороны и шведские – с маминой. Вероятность солнечного ожога? Сто процентов! Взяв соломенную шляпу с пассажирского кресла, я нахлобучила ее на голову. Но, блин, я же босая!

А, ерунда, для демократичного «Севен-Элевен» – самый подходящий прикид.

Через десять минут я уже наполняла стаканчик ежевичным «слерпи» в магазине. Немного отпив, снова долила доверху, вызвав гневный взгляд Вилли Хеннесси, стоявшего за кассой.

– Да не вопрос! – воскликнул он. – Угощайся, бог ты мой, какие проблемы!

– Ну, раз ты сам предложил, – весело ответила я, снова прикладываясь к соломинке и опять доливая до края.

– Вообще-то я тут как бы слежу за порядком и законностью.

– Два малюсеньких глоточка, Вилли! От двух глотков еще никто не обанкротился. Когда ты успел стать таким занудой?

– Когда ты начала тырить «слерпи» и прикидываться, что не умеешь обращаться с заправочным пистолетом, заставляя меня выходить и заливать тебе бак. Каждый раз, как вижу тебя в дверях, хочется дать себе пинка.

Я сморщила нос:

– Не хочу, чтобы мои руки пахли бензином. А ты так хорошо его наливаешь… – льстиво улыбнулась я.

– Да уж напрактиковался, – мрачно буркнул парень.

Я пошлепала босыми ногами мимо рядов полок, выискивая «Твизлерз» и «Чиз-Ит», думая о том, что, если Вилли так не нравится наполнять мне бак, пусть поищет другую работу, когда звякнула входная дверь. Шагов я даже не слышала, как вдруг пара теплых шершавых ладоней обхватила сзади мою голову и закрыла мне глаза.

– Угадай, кто?

Знакомый свежий запах, кажется, парализовал меня. Я молилась, чтобы он не почувствовал, как горит под его руками мое лицо. На бесконечно долгое мгновение я просто потеряла дар речи – словно слова ссохлись внутри меня и болезненным комочком скатились вниз горла.

– Жду подсказку, – попросила я, надеясь, что мой голос звучит равнодушно. Или даже слегка раздраженно. Как угодно, лишь бы не уязвленно.

– Коротышка. Толстый. С отвратительно неправильным прикусом. – Его тихий дразнящий голос после всех этих месяцев казался знакомым и чужим одновременно. Ощущая его настолько близко, я так разнервничалась, что голова закружилась. Я боялась, что заору на Келвина, прямо здесь, в магазине. А если подпущу его слишком близко, боялась, что уже не заору. А мне хотелось покричать: я восемь месяцев репетировала нашу встречу, и была готова вывалить на него все.

– В таком случае, думаю, ты… Келвин Верстеег. – В голосе определенно звучала небрежная вежливость. Услышав себя, я испытала огромное облегчение: о большем нечего было и мечтать.

Кэл встал передо мной и облокотился о загородку в конце прохода, одарив меня плотоядной улыбкой, дьявольски очаровательной, выработанной еще много лет назад. Когда-то ради нее я готова была расшибиться в лепешку, но теперь стала сильнее.

Оставив без внимания его красивое лицо, я со скучающим видом оглядела парня. Судя по всему, его утренним стилистом была подушка. Волосы длиннее, чем я помнила. В самые жаркие дни походов, когда пот капал с их кончиков, волосы Келвина принимали цвет древесной коры. От этого воспоминания свело живот. Засунув ностальгию подальше, я бесстрастно посмотрела на Келвина.

– Чего тебе?

Не спрашивая разрешения, он повернул соломинку в моем коктейле к себе и сделал хороший глоток, вытерев рот тыльной стороной ладони.

– Расскажи мне про это ваше путешествие.

Я отдернула свой «слерпи» подальше.

– Не путешествие, а поход. – Мне было очень важно подчеркнуть разницу: съездить в горы может каждый, а поход пешком с рюкзаками требует навыков и

решимости.

– Собрали все, что нужно? – продолжал он.

– Даже сверх того, – пожала я плечами. – Девушкам, например, жизненно необходима помада.

– Давай начистоту: Корби тебя даже из дома-то не выпустит. Она свежего воздуха как огня боится. А ты не сможешь ей отказать. – Он со знающим видом покачал головой. – Знаю я вас, девчонок.

Я ответила ему возмущенным взглядом.

– Мы идем в недельный поход с палатками. Наш маршрут – восемьдесят километров. – Ладно, я чуть-чуть преувеличила. На самом деле Корби согласилась только на пять километров в день и настояла, что мы будем ходить только вокруг Айдлвайлда – на случай, если ей срочно потребуется кабельное телевидение. Но, даже понимая, что нам вряд ли удастся провести в горах целую неделю, я планировала оставить Корби с Медведем в доме на денек и отправиться туда самой. Хотелось проверить, чего стоили все мои тренировки. Конечно, теперь Келвин будет с нами и быстро раскроет наши истинные планы, но в ту минуту мне ужасно хотелось произвести на него впечатление. Меня достали его вечные намеки, что у него, дескать, не было причин воспринимать меня всерьез. Когда потом он бы начал насмехаться надо мною, я бы напомнила, что действительно хотела пойти на целую неделю, а Корби меня остановила – Келвину пришлось бы поверить.

– А ты же в курсе, что некоторые пешие маршруты еще под снегом? И гостевые домики еще не открылись, так что людей в горах мало. Даже база рейнджеров «Озеро Дженни» закрыта. Безопасность – исключительно на вашей ответственности, спасательную экспедицию никто не гарантирует.

Я выпучила на него глаза:

– Да что ты говоришь?! К твоему сведению, я не с пустыми руками туда отправляюсь, Келвин. У меня все предусмотрено. Мы справимся.

Он потер верхнюю губу, пряча ухмылку, его мысли были совершенно очевидны.

– Думаешь, не справлюсь? – с вызовом бросила я, стараясь не показать, что уязвлена.

– Просто считаю, что вы обе получите гораздо больше удовольствия, сгоняв в Лава-Хот-Спрингз[4 - Курорт на востоке Айдахо.]. Там можно в минеральных источниках покупаться.

– Я готовилась к этому походу целый год, – не сдавалась я. – Ты понятия не имеешь, насколько усердно, потому что не видел меня восемь месяцев. Я уже не та девушка, которую ты бросил; ты больше не знаешь меня.

– Хорошо-хорошо, понял. – Он вскинул руки, дескать: «я просто спросил». – Но почему Айдлвайлд? Там же делать нечего! Вы с Корби заскучаете уже на следующий день.

Я не могла взять в толк, почему Келвин с таким упорством отговаривал меня. Он обожал Айдлвайлд. И прекрасно знал, как и я, что скучать там не придется. И тут до меня дошло. Дело было не в нас и не в Айдлвайлде. Он не хотел ехать с нами. Не хотел проводить время со мной. Если бы ему удалось убедить меня отказаться от поездки, отец не стал бы заставлять его сопровождать нас, и на каникулах парень обрел бы свободу.

Переваривая это открытие, я откашлялась:

– Сколько тебе заплатят родители, чтобы ты надзирал за нами?

Он разыграл целое представление, критическим взором оглядывая меня с головы до ног.

– Да уж явно недостаточно.

Значит, вот как мы собираемся играть. Немного ни к чему не обязывающего флирта тут, немного поддразнивания там. Я представила себе большой черный маркер и нарисовала на имени Келвина жирную букву «Х».

– Просто для ясности: я была против того, чтобы ты ехал. Оказаться снова рядом? Неудобно – это еще мягко сказано.

В голове все звучало круче. Теперь же, повиснув между нами, мои слова вибрировали ревностью, мелочностью и злобой, обычными для брошенной девушки. Я не хотела показывать ему, что мне все еще больно. Не тогда, когда он сиял улыбкой и подмигивал.

– Да ну? Кстати, эта дуэнья только что сократила твой комендантский час на шестьдесят минут, – ухмыльнулся он.

Я кивнула в сторону полноприводного BMW X5, припаркованного за окном.

– Твой? – предположила я. – Еще один подарок от родителей, или ты в Стэнфорде не только за девушками охотишься, но и устроился на приличную работу?

– Моя работа – охотиться за девушками. – Гнусная ухмылка. – Правда, я бы не назвал ее «приличной».

– Значит, никаких серьезных отношений? – Я не могла заставить себя взглянуть на него, но испытывала огромную гордость за свой небрежный тон. Я убеждала себя, что меня не волнует ни его «да», ни его «нет». На самом деле, если у него появилась новая девушка, для меня еще раз замигал бы зеленый свет: пора сделать то же самое.

Он легко пихнул меня в бок.

– А что? У тебя есть парень?

– Конечно.

– Ага, щаз! – фыркнул он. – Корби мне сказала бы.

Я стояла на своем, самодовольно выгнув брови.

– Хочешь верь, хочешь нет, но есть вещи, о которых Корби тебе не докладывает.

Кэл нахмурился:

– Кто он? – осторожно спросил Келвин, и я видела, что он почти готов мне поверить.

Лучший способ спасти ложь – не городить новой. Но я все-таки не удержалась.

– Ты его не знаешь, он недавно сюда переехал.

Келвин покачал головой:

– Слишком удобно. Я тебе не верю. – Но в голосе слышалось, что мог бы.

Меня просто распирало от желания доказать ему, что я нашла нового парня, – что я двигаюсь дальше, перелистнув – а хоть бы и не перелистнув! – нашу страницу. И не просто нашла парня, а намного, намного более классного. Пока Келвин отрабатывал в Калифорнии навыки грязного бабника, я не слонялась – повторяю: не слонялась – в тоске, проливая слезы над его фотографиями.

– Да вон он, посмотри сам, – не успев даже подумать, ляпнула я.

Келвин проследил взглядом за моей рукой в сторону красного «Фольксвагена Джетты» у ближайшей колонки. Парень, наполнявший бак «Джетты», был на пару лет старше меня. Коротко остриженные каштановые волосы открывали поразительно правильные черты лица. Солнце сияло у него за спиной, и тени подчеркивали худые щеки под скулами. Цвета глаз я не видела, но надеялась, что они карие. По одной только простой причине: глаза Келвина сочились густой темной зеленью. У парня были широкие мускулистые плечи – на ум пришло «пловец» – и я никогда прежде его не видела.

– Вон тот? Видел его по пути сюда. Номер вайомингский. – Келвин явно сомневался.

– Так я и говорю: он у нас недавно.

– Постарше тебя будет.

Я с вызовом посмотрела на него:

– И?

Звякнула дверь, и мой якобы кавалер неторопливо вошел внутрь. Вблизи он оказался еще лучше. И глаза у него были действительно карими: оттенка состаренного дерева. Он полез в задний карман за бумажником, а я схватила Келвина за руку и потащила за полку, уставленную «Фиг-Ньютонами» и «Орео».

– Что мы делаем? – Келвин уставился на меня так, будто я только что отрастила вторую голову.

– Не хочу показываться ему на глаза, – прошептала я.

– Потому что он, на самом деле, вовсе не твой парень, да?

– Нет, дело не в этом. Просто…

Ну, куда же подевалась третья ложь, когда она так мне нужна?!

Келвин демонически ухмыльнулся и, не успела я глазом моргнуть, как, сбросив мою руку, он зашагал к кассе. Проглотив стон, я наблюдала за происходящим в зазор между двумя полками.

– Привет, – дружелюбно поздоровался Келвин с парнем, на котором была клетчатая рубашка-буффало, джинсы и тяжелые ботинки.

Едва взглянув на Кэла, парень кивнул в ответ.

– Слышал, ты встречаешься с моей бывшей. – Голос брата моей подруги излучал злорадное предвкушение. Он собирался скормить мне мою же горькую пилюлю и знал это.

Слова Келвина все же привлекли внимание незнакомца, и он с любопытством рассматривал собеседника. Я почувствовала, что мои щеки горят еще сильнее.

– Ну, знаешь, твоя девушка, – махнул рукой Кэл. – Прячется вон за печеньями.

И он показал на меня.

Я выпрямилась, выставив голову над верхней полкой. Расправила футболку и открыла рот – но слова не шли. Вообще.

Парень посмотрел через плечо Келвина на меня. Наши взгляды на мгновение встретились, и я беззвучно проговорила: «Я могу объяснить…» Что бы, интересно, я объяснила?

И тут случилось нечто неожиданное. Парень посмотрел Келвину прямо в глаза и невозмутимо ответил:

– Да. Это моя девушка. Бритт.

Я вздрогнула. «Он знает, как меня зовут?»

Келвин, кажется, изумился не меньше моего.

– О. Э… Мужик, прости. Я думал… – Он протянул руку. – Я Келвин Верстеег… – И он смущенно закончил: – …бывший Бритт.

– Мэйсон.

Мэйсон посмотрел на протянутую руку Келвина, но пожимать ее не стал. Бросив три двадцатки Вилли Хеннесси на стойку, он подошел ко мне и чмокнул в щечку. Невинный поцелуй, но в голове все равно загудело, а сердце забилось чаще. Парень улыбнулся теплой приятной улыбкой.

– А ты, Бритт, все не соскочишь со «слерпи», как я вижу.

Я медленно улыбнулась ему в ответ. Если он в игре, то я тоже.

– Увидела тебя, и мне срочно понадобилось остудиться. – Я обмахнула лицо, не спуская с него обожающего взгляда.

Вокруг глаз Мэйсона побежали морщинки. Я не сомневалась: внутри он весь трясется от смеха.

– Ты бы заехал ко мне домой чуть попозже, Мэйсон. Я купила новую помаду, и ей требуются испытания…

– А, игра в поцелуи? – Он не пропустил пас.

Я бросила быстрый взгляд на Келвина: как ему наши заигрывания? К моему огромному удовольствию, тот выглядел, будто съел лимон.

– Ты же меня знаешь: люблю подходить к делу с выдумкой, – вкрадчиво выдохнула я.

Келвин крякнул и сложил руки на груди.

– Разве тебе не нужно спешить, Бритт? Ты должна добраться до места засветло.

В глазах Мэйсона мелькнуло нечто, не поддающееся расшифровке.

– Собираешься в поездку? – спросил он меня.

– В поход, – поправила я. – В Вайоминг, в горы Титон. Собиралась тебе сказать, но… – Блин! Какую можно придумать причину, почему я не рассказала о походе своему парню? Почти проскочила, и опять вот-вот все испорчу.

– Но решила, что это неважно, ведь я тоже уезжаю, и мы бы в любом случае не смогли провести эту неделю вместе, – как ни в чем не бывало закончил Мэйсон.

Я снова посмотрела ему в глаза. Симпатичный, быстро соображает, готов ко всему – даже притворяться парнем девушки, которую в жизни не видел – и пугающе искусный лжец. Кто он, этот парень?

– Ага, именно, – пробормотала я.

Келвин насмешливо склонил голову.

– Когда мы были вместе, я хоть раз исчезал на неделю, не предупредив тебя?

«Ты исчез на восемь месяцев», – злобно подумала я. И порвал со мной в самый важный вечер в моей жизни. Господь велел прощать, но в жизни всегда есть место исключению.

– Кстати, папа зовет тебя к нам на ужин на следующей неделе, – прощебетала я, снова обращаясь к Мэйсону.

Келвин поперхнулся. Как-то раз он привез меня домой на пять минут позже назначенного времени. Мы вывернули на подъездную дорожку, а на крыльце нас уже поджидал отец, похлопывая клюшкой для гольфа по руке. Прошествовав вперед, он шмякнул ею по черному «Форду-Эф-150» Келвина, оставив изящную круглую вмятину.

– Еще раз привезешь ее домой позже, и я вдарю по фарам, – сообщил папа ледяным тоном. – Надеюсь, ты не настолько глуп, чтобы нуждаться в трех предупреждениях.

Конечно, он не собирался разбивать Кэлу фары. Но поскольку я была младшенькой и единственной девочкой, папа любил поворчать по поводу парней, с которыми я встречалась. Вообще-то он был милым старым мишкой. Однако больше Келвин не опаздывал.

И никогда не допускался к ужину.

– Передай отцу, что я не прочь получить еще пару советов по рыбалке. – Мэйсон продолжал наш спектакль. Поразительно: он правильно угадал любимый папин спорт! Весь этот разговор начинал становиться… жутковатым. – Да, и еще, Бритт. – Он провел рукой по моим волосам, откидывая их с плеча. Я застыла на месте, замороженная его прикосновением. – Будь осторожна. Горы в это время года опасны.

Я изумленно таращилась на то, как Мэйсон выезжает с заправки и его автомобиль скрывается из виду.

Он знал, как меня зовут. И спас мою задницу. Он знал мое имя!

Ах, ну конечно! Оно было написано краской на груди моей лиловой футболки из музыкального лагеря. Но Келвин-то этого не заметил.

– Я думал, ты врешь, – ошеломленно признался Кэл.

Протянув Вилли пятерку за «слерпи», я спрятала в карман сдачу и повернулась к парню:

– Как ни приятно было пообщаться, на твоем месте я бы занялась чем-нибудь полезным. Например, заперла бы тот «бимер». Слишком уж он красивый.

– Прямо как я? – Он с надеждой поднял брови.

Я надула полный рот коктейлем, изображая, что хочу обдать его фонтаном брызг. Келвин отскочил и, к моему удовлетворению, наконец-то убрал с лица свою самоуверенную улыбку.

– До встречи вечером в Айдлвайлде! – крикнул он мне в спину, когда я уже была в дверях.

Вместо ответа я показала ему большие пальцы.

Средний был бы слишком откровенным.

Проходя на парковке мимо BMW Келвина, я заметила, что двери не заперты. Оглянувшись и убедившись, что он не смотрит, я мгновенно приняла решение. Залезла на пассажирское место, сдвинула зеркальце заднего вида, набрызгала на полу «слерпи» и стащила его винтажную коллекцию компактов из бардачка. Мелочно, конечно, но мне стало чуть лучше.

Вечером верну ему диски – предварительно поцарапав несколько самых любимых.

Глава 2

Несколько часов спустя мы с Корби уже находились в дороге. Келвин нас опередил, и все из-за нее. Когда я позвонила в дверь подруги, она как раз собирала еще одну сумку, томно вытягивая рубашки из шкафа и внимательно отбирая помады в ящике с косметикой. Усевшись к ней на кровать, я попыталась ускорить процесс, запихивая все без разбору.

Я действительно надеялась приехать в Айдлвайлд раньше Келвина. А теперь он присвоит лучшую спальню и раскидает свое барахло по всему дому. Зная его, не удивлюсь, если он запрет дверь и заставит нас стучать. От этого я бесилась больше всего: ведь это наша поездка, а не его!

Мы с Корби опустили верх в машине, наслаждаясь напоследок теплом долины перед холодным воздухом гор, и врубили музыку. Корби сделала специальный дорожный сборник, и мы слушали ту песню – из семидесятых? восьмидесятых? – «Вылезай из моих снов, залезай в мою машину»[5 - Песня Get Outta My Dreams, Get Into My Car (1988) Билли Оушена.]. Самодовольное лицо Келвина еще маячило на задворках моего сознания, и это напрягало. Я твердо верила в поговорку: «Притворяйся, пока это не станет правдой», и потому наклеила себе улыбку и хихикала, когда Корби пыталась взять верхние ноты.

Короткая остановка – заправиться еще одной порцией «Ред Булла», и вот мы уже, набирая высоту, проносимся мимо лошадиных пастбищ и полей с рядами крошечных ростков кукурузы, сливающихся на быстром ходу в зеленый туман. Дорога сужалась, по обочинам теснились скрученные сосны и американские осины. Волосы трепал холодный чистый ветер. Из земли проклюнулись белые и синие первоцветы, мир резко пах молодыми листьями и землей. Я надвинула солнечные очки повыше на нос и растеклась в блаженной улыбке: мое первое путешествие без папы или старшего брата, Иэна. И чтобы я позволила какому-то Келвину все испортить?! Да ни в жизнь! Ему не удастся испортить мне настроение в дороге и не получится обломать неделю в горах. В гробу я его видала. В гробу видала, буду веселиться. Кажется, я нашла мантру на ближайшую неделю.

Небо было таким ослепительно синим, что заболели глаза, на повороте блик солнца на лобовом стекле заставил меня зажмуриться. Я заморгала и тут увидела их. Белые, заледеневшие вершины хребта Титон, вырастающие вдали. Острые крутые пики взмывали в небо заснеженными пирамидами. Вид завораживал и ошеломлял – безбрежный простор деревьев, склонов и неба.

Корби высунулась из окна со своим айфоном, чтобы сделать снимок получше.

– Сегодня ночью мне приснилась та девушка, убитая в горах бродягами прошлым летом, – сказала она.

– Инструктор по рафтингу? – Ее звали Мэйси О’Киффи. Я помнила ее имя по новостям. Очень способная, получила стипендию в Джорджтауне[6 - Джорджтаунский университет в Вашингтоне. Один из самых престижнвх в США.]. Исчезла где-то в районе Дня труда[7 - Первый понедельник сентября.].

– Ты не боишься, что нечто подобное случится с нами?

– Нет, – убежденно ответила я, – она пропала довольно далеко от места, где будем мы. И нет никаких доказательств, что ее убили бродяги. Это только так думают. Может, она заблудилась. И в любом случае, сейчас слишком холодно, чтобы бродяги решили разбить лагерь на берегу реки. К тому же мы будем высоко в горах, куда они не забираются.

– Да, но все равно жутковато.

– Это случилось прошлым летом. И всего с одной девушкой.

– Да? А как насчет Лорен Хантсмен, той богатенькой тусовщицы, которую показывали по всем новостям в прошлом году? – возразила подруга.

– Корби, хватит! Я серьезно. Знаешь, сколько народу ходит в горы и благополучно возвращается домой?

– Лорен пропала совсем недалеко от нас, – настаивала Корби.

– Она пропала в Джексон-Хоуле, за много километров от нашего места. Пьяная в дым. Говорят, пошла купаться и утонула.

– В новостях сообщали, что ее видели выходившей из бара с ковбоем в черном «стетсоне».

– Это видел один человек. И никакого ковбоя так и не нашли. Может, он и не существовал вовсе. Если бы нам угрожала хоть малейшая опасность, отец ни за что не отпустил бы меня.

– Пожалуй, – кивнула Корби, но я ее явно не убедила. К счастью, через несколько минут подруга выбросила все страхи из головы.

– Еще два часа, и мы будем жарить маршмэллоу в Айдлвайлде! – прокричала она голубому куполу над головой.

Верстееги владели Айдлвайлдом, сколько я себя помнила. Это был гостевой дом, а не просто лесная хижина. Над остроконечной крышей возвышались три кирпичных трубы; под крышей умещалось шесть спален – и даже семь, если считать диванчик в подвале рядом с настольным футболом и бильярдом, а еще там была огромная терраса, окна с потрясающим видом на юг и множество укромных уголков. Хотя Верстееги иногда встречали в Айдлвайлде Рождество – мистер Верстеег получил лицезию пилота и купил одномоторный вертолет, чтобы летать в горы, когда дороги заваливало снегом, – они в основном пользовались им как летним домиком, разбив большую лужайку, установив бассейн с подогревом, бадминтонный корт и садовый очаг в окружении лежанок.

Два Рождества назад я тоже проводила каникулы в Айдлвайлде с семьей Корби, но последнее Рождество пропустила. Келвин отправился в гости к кому-то из своих приятелей по колледжу, а Корби с родителями поехали кататься на лыжах в Колорадо, оставив Айдлвайлд пустовать. Я никогда не была там без мистера и миссис Верстеег и не представляла себе Айдлвайлд без всевидящего ока хозяина дома, тенью преследовавшего нас.

Но теперь мы будем одни – никаких взрослых, никаких правил. Год назад провести неделю с Келвином наедине показалось бы чем-то запретным и опасным, сбывшейся тайной мечтой. А сейчас я не знала, чего ожидать. Не знала, что буду говорить ему, сталкиваясь в коридоре. Интересно, боялся ли он нашей встречи так же, как я? Что же, по крайней мере, первая неловкая уже позади.

– Жвачка есть? – спросила Корби и, не успела я возразить, уже залезла в мой бардачок, вывалив на пол коллекцию дисков Келвина. Подобрав их, подруга с недоумением воззрилась на мой трофей. – Это не моего брата?

Что ж, попалась – надо признаваться.

– Позаимствовала сегодня утром на заправке из его машины. У меня есть оправдание: он вел себя как козел. Не волнуйся, все верну.

– Уверена, что справишься? – Корби явно считала кражу его дисков странным поступком. – Я, конечно, считаю его просто тупицей, но все время напоминаю себе, что вы, типа, были вместе. Или как-то там. Можем поговорить об этом, сколько хочешь, только не упоминай о поцелуях. Как представлю, что кто-то обменивался слюной с моим братцем, особенно ты, меня блевать тянет. – Подруга засунула два пальца в рот для большего эффекта.

– У меня с ним все кончено. – Наглая беззастенчивая ложь. Ничего у меня не кончено. И тот спектакль с «новым» парнем только подтвердил это. До сегодняшнего утра я действительно верила, что навсегда порвала с Келвином, но, стоило мне его увидеть, и старые чувства вернулись снова. Я ненавидела себя за то, что по-прежнему что-то к нему испытываю, пусть даже сильнейшее отвращение. За то, что по-прежнему позволяю ему причинять мне боль. С Келвином было неразрывно связано столько мучительных воспоминаний. Неужели Корби забыла, что он порвал со мной в вечер встречи выпускников?[8 - Традиционные торжества с участием бывших учеников школы или университета, съезжающихся в альма-матер. Обычно проводятся в начале осени.] Я надела платье, заказала столик в «Руби-Тьюзди»[9 - Американская сеть ресторанов.] и оплатила два места в заказанном лимузине. Я была королевой вечера выпускников! Сколько раз я представляла, как стою на футбольном поле в короне, улыбаясь аплодирующим и улыбающимся людям, и как потом танцую в его объятиях.

Мы договорились встретиться у меня в восемь, и когда пробило восемь тридцать, а Кэл так и не позвонил, я вообще-то начала волноваться, не попал ли он в аварию. Я знала, что его рейс не откладывался – следила за полетом онлайн. Все остальные уехали на лимузине, и я уже была готова разрыдаться.

И тут ожил телефон. Келвин даже не вылетал из Калифорнии. Дождался последней минуты, чтобы позвонить, и не озаботился хотя бы притвориться, что извиняется. Ровным бесстрастным голосом сообщил, что не приедет.

– А пораньше предупредить не мог? – вырвалось у меня.

– Да что-то закрутился.

– Очень на тебя похоже. Не звонишь мне неделями. По несколько дней не отвечаешь на звонки. – Уехав в колледж, Келвин словно стал другим человеком. Словно почувствовал вкус свободы, и от этого все изменилось. Я больше не была в списке его приоритетов. – Могла бы и догадаться, что ты что-нибудь такое выкинешь! – выкрикнула я, изо всех сил стараясь не расплакаться. Он не приедет. Мне не с кем идти на вечер выпускников.

– Подсчитываешь частоту моих звонков? Не знаю, что и подумать, Бритт.

– Ты что, серьезно? Это я, по-твоему, не права? Ты хоть представляешь, как ты меня сейчас подставил?

– Ой, ты прямо как мой отец, вечно нудишь: я не то, я не это, – стал защищаться он.

– Ты придурок!

– Возможно, нам не стоит поддерживать отношения дальше, – холодно сказал Келвин.

– Может, и не стоит!

Хуже всего, что я слышала громкую музыку и спортивный репортаж на заднем фоне. Келвин сидел в баре. Я так ждала этого вечера, а он попросту надирался. Резко бросив трубку, я разревелась.

От этих воспоминаний я начала злиться и уже пожалела, что завела разговор о Келвине. После этого трудно было выполнять свое решение оставаться в хорошем настроении. Притворяться счастливой намного легче, когда не нужно растрачивать энергию, убеждая весь мир: у меня все прекрасно, просто прекрасно.

– А все-таки: это не будет странно, что он рядом? – нажимала Корби.

– Не глупи.

Она испытующе прищурилась:

– Ты не собираешься воспользоваться такой возможностью, чтобы снова охмурить его?

– Фу! Умоляю, больше даже не спрашивай об этом. – Однако я задумалась. Да еще как. Что, если сам Келвин попытается приударить за мной? Не так уж трудно это себе представить. Корби с Медведем будут заняты исключительно друг другом, мы с Келвином останемся один на один. И меня бы не удивило, если бы он попытался. Так что решать мне нужно было прямо сейчас: собираюсь ли я ему это позволить?

Возможно, если бы я была точно уверена, что он действительно окончательно порвал со мною, то смогла бы его забыть. Но то, как он посмотрел на меня в «Севен-Элевен», когда я флиртовала с Мэйсоном… Если это было не сожалением, то уж не знаю, чем это было.

Однако на сей раз, твердо решила я, ему придется как следует потрудиться, чтобы завоевать мое внимание. Он унизил меня, и теперь ему потребуется много чего сделать, чтобы вернуть все обратно. Я не подпущу его, пока всерьез не помучаю. Немного унижений в качестве вишенки на торте. Келвин не раскрыл мой обман, что работало на меня. Поиграю с ним, а потом брошу, изобразив раскаяние, что обманывала своего новоявленного «парня».

Что там говорят про воздаяние? Скоро Келвину предстоит это узнать на своей шкуре.

Радуясь, что у меня наконец появился план, я поглубже уселась в кресле, довольная собственным коварством и готовая к предстоящей долгой неделе.

Корби расстегнула чехол для компакт-дисков, но не успела их просмотреть, как заметила сложенный листок бумаги, заткнутый в кармашек обложки.

– Ого, ты только глянь!

Я скосила глаза. Она развернула топографическую карту национального парка «Гранд-Титон» – из тех, что выдают на кордонах, но сплошь покрытую

пометками, сделанными рукой Келвина. Карта складывалась трижды, потом еще пополам, краски выцвели, а края пообтрепались – Кэл явно часто ею пользовался.

– Келвин пометил все лучшие маршруты для походов! – воскликнула Корби. – Смотри, как далеко он заходил: тут везде пометки. Он, наверное, не один год этим занимался. Я-то знаю, я всегда дразнила его ботаном-походником, но вообще это круто!

– Дай-ка взглянуть. – Взяв карту и расправив ее на руле, я поглядывала то на нее, то на дорогу. Келвин отметил не только маршруты походов. Карту испещряли пометки, показывавшие снегоходные трассы, грунтовые дороги, укрытия на случай непогоды, станции рейнджеров, живописные места, охотничьи угодья, чистые озера и ручьи, пути миграций животных. Айдлвайлд тоже был помечен. Для походника, застрявшего в горах, карта стала бы просто спасением.

Мы все еще были слишком далеко до парка, чтобы найти свое местоположение на карте Келвина, но я всерьез подумывала, когда приедем, подменить ее гораздо менее подробными заметками мистера Верстеега.

– Ты обязательно должна вернуть Келвину карту, – настаивала Корби.

Сложив план, я запихнула его в задний карман шортов. Столь подробно размеченную карту Келвин явно ценил высоко. Я ее верну. Но сначала заставлю его немного побегать.

Спустя тридцать минут сборник окончился песней «Каждый день – извилистая дорога»[10 - Песня Everyday Is a Winding Road (1996).] Шерил Кроу. Дорога пошла круто в гору, и мы полезли набирать высоту по серпантину. Обочины резко срывались вниз, и я склонилась вперед над рулем, сосредоточенно проезжая каждый крутой поворот. Одна неправильно пройденная «шпилька» – и мы закувыркаемся по склону. От таких мыслей бросало в дрожь.

– Что думаешь: это дождевые облака? – нахмурившись, спросила Корби, показывая на гроздь темных туч, выраставших над лесом на севере. – Как такое вообще возможно? Я проверяла погоду перед отъездом. В Айдахо обещали дождь, но в Вайоминге – нет.

– Будет ливень на пару минут, а потом снова прояснится.

Не нравится погода в Вайоминге? Подожди пять минут. Так гласит поговорка.

– Лучше бы в те дни, что мы здесь, дождя не было вообще, – возмущенно пропыхтела Корби. Мне подумалось, не вспомнила ли она о Рейчел и Эмили, загорающих на пляжах Вайкики. Я знала, как сильно Корби хотела поехать на весенние каникулы куда-нибудь в тропики, и подумала: то, что она сейчас со мною, многое говорило о нашей дружбе. Мы, конечно, ссорились, но были неразлучны. Сколько подруг променяло бы пляж на тяжелый горный поход?

– Я читала в путеводителе, что дождь как-то связан с теплым и холодным воздухом, которые все время сталкиваются, – машинально пробормотала я, не отрывая взгляда от дороги. – На такой высоте водяной пар может замерзать в кристаллики льда, которые заряжаются положительно. А дождь заряжен отрицательно. Когда заряды накапливаются, получается молния, и мы попадаем в грозу.

Корби спустила солнечные очки на кончик носа и уставилась на меня.

– А еще ты разжигаешь огонь палочками и ориентируешься по звездам?

Я на мгновение отпустила руль, чтобы ткнуть ее в плечо.

– Ты бы хоть разок заглянула в путеводители, которые тебе папа купил.

– Ты о тех, где меня убеждали, что человек может прокормиться кроличьим пометом в случае угрозы голодной смерти? – Она сморщила нос. – Это был первый и последний раз, когда я открывала путеводитель. Да и вообще, читать их – только время зря терять: все равно мой братец возьмет власть в свои руки и будет нами руководить.

Никем Келвин руководить не будет. Не в этот раз. Не для того я так долго и упорно готовилась.

Вскоре небо дохмурилось до темно-грязно-серого. Первая капля дождя, словно льдинка, шлепнулась мне на руку. Потом другая. Еще три. Через несколько

мгновений дождь уже непрерывно барабанил, покрывая лобовое стекло крошечными булавочными уколами капель. Я остановила джип прямо на дороге – съезжать было некуда.

Корби отгоняла капли, словно комаров.

– Помоги мне натянуть верх, – скомандовала я, выпрыгивая из машины. Я расправила мягкий тент, жестом показывая ей пристегнуть его. Открыв заднюю дверь, я подняла окно и закрепила ремни. Пока закончила, промокла до нитки, волоски на руках топорщились от холода. Смахнув воду с ресниц, я подняла боковые стекла. Наконец, проверила стык на липучке и, вся дрожа, запрыгнула обратно в машину.

– А вот и твой отрицательный заряд, – невозмутимо заметила Корби.

Я прижалась щекой к холодному окну и взглянула на небо. Бешено клубящиеся серые грозовые облака тянулись во все стороны, не оставив ни клочка синего неба, даже щелочки на горизонте. Я потерла руки, чтобы согреться.

– Позвоню-ка Медведю, сообщу наши координаты, – сказала Корби, быстро набирая номер на телефоне, но тут же бессильно упала на сиденье. – Нет сигнала.

Мы проехали еще пару километров, и дождь хлынул с небес неудержимым потоком. Дорога превратилась в быстро несущуюся реку, вода захлестывала шины, и я испугалась, что нас попросту смоет. Дворники не справлялись с потоком воды: дождь молотил с такой яростью, что я не видела, куда еду. Хотела съехать на обочину, но ее не было; я просто сместилась как можно правее и остановилась, включив аварийку в надежде на то, что тот, кто поедет за нами, умудрится увидеть вспышки света сквозь толщу воды.

– Интересно, какая погода сейчас на Гавайях? – с невинным видом спросила Корби, протирая рукавом запотевшее стекло.

Я побарабанила ногтями по рулю, размышляя, что? бы Келвин стал делать на моем месте. Это крайне подняло мне настроение, если бы мне потом удалось похвастаться, как я без проблем справилась с грозой.

– Без паники, – вслух пробормотала я, посчитав, что это выглядит хорошим первым шагом к успеху.

– Дождь льет как из ведра, связь не ловит, а мы застряли в горах. Без паники. Точно, – откликнулась Корби.

Глава 3

Дождь не ослабевал. Час спустя потоки воды все так же стекали по лобовому стеклу, постепенно загустевая в слякоть. Это был пока не совсем снег, но еще несколько градусов – и все изменится. Мы все так же стояли на краю дороги с почти беспрерывно работающим двигателем. Каждый раз, когда я выключала его, чтобы сберечь бензин, мы обе начинали яростно дрожать, хотя уже переоделись в джинсы, ботинки и надели зимние куртки. Но и теплая одежда не спасала от пронизывающего холода. К счастью или несчастью, мимо нас никто не проезжал.

– Снаружи холодает, – сказала я, нервно кусая губы. – Может, повернем назад?

– До хижины вряд ли больше часа. Теперь нет смысла поворачивать.

– Льет так, что я не вижу разметки. – Навалившись на руль, я прищурилась, пытаясь рассмотреть желтый ромб впереди – черные символы было почти не разобрать. Темнело с ужасающей быстротой. Было еще только пять вечера, но казалось, уже наступили вечерние сумерки.

– Я полагала, что Wrangler предназначен для езды по плохим дорогам. Уверена: он прекрасно справится с дождем. Только дай ему бензина, и мы заберемся в эту гору.

– Давай посидим еще десять минут – вдруг прояснится. – У меня было мало опыта вождения в ливень, особенно в такой жуткий, да еще с порывистым ветром. Надвигающаяся темнота только усугубляла плохую видимость. Ехать сейчас, даже очень медленно, казалось опасным.

– Посмотри на небо. Он не кончается. Надо двигаться. Как думаешь, дворники выдержат?

Хороший вопрос. Резина на металлических рычагах начинала стираться, и те с тихим скрипом царапали стекла.

– Наверное, стоило заменить их перед выездом, – заметила Корби.

Своевременное замечание.

– С другой стороны, боюсь, как бы погода не оказалась слишком суровой для твоей машины, – продолжила подруга вкрадчивым обеспокоенным тоном.

Я продолжала молчать, боясь выпалить что-нибудь, о чем потом пожалею. Корби всегда так подкапывается – исподтишка. Она довела эту технику до уровня искусства.

– Но вообще поразительно, как год от года совершенствуются внедорожники, правда? – добавила она все тем же елейным голоском. – В смысле: разница между твоим и моим джипом просто поразительная.

Я почувствовала, что невольно выпрямляю спину. Она превращает это в соревнование, как всегда!

Никогда не признаюсь ей, но прошлым летом, ночуя у Корби после вечеринки, я заглянула в ее дневник. Думала откопать какие-нибудь секреты про Келвина – что-нибудь, чем потом его поддразнивать. Вообразите мое удивление, когда я наткнулась на табличку с двумя колонками, в которой Корби сравнивала нас. Согласно табличке: у меня лучше ноги и более выражена талия, но губы слишком тонкие, много веснушек, и поэтому я была всего лишь «в целом привлекательной». Среди достоинств подруги оказались размер лифчика, форма бровей и вес на пять килограмм меньше – разумеется, упомянуть о том, что она на семь сантиметров ниже, Корби «забыла»! Список занимал две страницы и, судя по разному цвету чернил, регулярно пополнялся. Каждой детали присваивались баллы, в конце они суммировались. На тот момент она обгоняла меня на целых десять очков. Что было, конечно, смешно: она оценила свой маникюр на пять баллов выше, хотя мы делали одинаковый и в одном и том же салоне.

Сейчас, вспомнив о ее тайной табличке, я решила во что бы то ни стало защитить честь своей машины. Я заеду в эту гору, чтобы не дать ей записать еще одну победу в свой глупый список. (Машина лучше? Галочка.) Я знала, что эта игра бессмысленная, нечестная, прекрасно понимала, что подруга ни за что не даст мне выиграть, но мне очень хотелось. Просто ужасно.

Странно, но я превращала в такой же глупый фарс свои отношения с Келвином, когда из кожи вон лезла, убеждая всех вокруг, особенно Корби, что у нас с ним все великолепно. Навеки! До этого я никогда об этом толком не задумывалась – о том, что мне было просто необходимо продемонстрировать Корби, какая у меня потрясающая жизнь. Может быть, из-за этой таблицы. Может быть, потому что меня раздражало то, что она ведет этот счет, словно мы соперницы, а не лучшие подруги.

– Ты перед выездом надела на эту штуку зимние шины? – решила уточнить Корби.

На эту штуку? В такие мгновения мне приходилось мысленно притормаживать и напоминать себе, почему я дружу с Корби. Сколько я себя помню, мы были неразлучны, и, хотя и начали расходиться, особенно в последний год, разрушить такие отношения, складывавшиеся годами, было нелегко. Кроме того, когда я начинала предполагать такую возможность, то не могла сосчитать, сколько раз Корби бросалась ради меня на амбразуру. Начиная с самого детства, она платила за вещи, которые я не могла себе позволить, и ныла, пока ее родители не брали меня с собой на отдых. Корби заботилась о том, чтобы я никогда не оставалась одна. И какая бы она ни была – сверхпотрясающая или нет, но своими добрыми поступками, даже в мелочах, тесно привязала меня к себе.

И все же.

Мы уже стали скорее сестрами, чем подругами: любили друг друга, даже если порой в чем-то не одобряли. И всегда были готовы помочь одна другой. Рейчел и Эмили предпочли пляж горному походу в Титоне на весенние каникулы, хотя и знали, как он мне нужен. Но Корби не колебалась. Ладно, почти не колебалась.

– Снега не обещали, – огрызнулась я. – Твои родители сказали, дороги будут чистыми до самого Айдлвайлда.

Корби издала долгий обиженный вздох и нетерпеливо скрестила ноги.

– Что ж, теперь, когда мы здесь застряли, думаю, лучше подождать, пока Медведь не приедет нас спасать.

– Ты хочешь сказать, это моя вина, что мы застряли? Я не контролирую погоду.

Подруга повернулась ко мне:

– Я просто сказала «мы застряли», а ты сразу раздуваешь из мухи слона. Даже если я и в самом деле имела в виду, что Wrangler не приспособлен для такой погоды. Это же правда, скажешь, нет? Ты просто бесишься оттого, что я права.

Мое дыхание чуть ускорилось.

– Хочешь посмотреть, как Wrangler заберется на эту гору?

Она сделала приглашающий жест в сторону лобового стекла.

– Поверю, когда увижу.

– Ладно.

– Так вперед. Газуй.

Я сдула с лица лезущие в глаза волосы и стиснула руль – аж костяшки побелели. Мне не хотелось этого делать. Не хотелось проверять, сможет ли джип плыть вверх по реке, а именно этим нам и предстояло заняться.

– Все это пустые разговоры, – подзуживала Корби. – Ничего ты не сможешь.

Выбора не осталось.

Собравшись с духом, я завела мотор и нерешительно вывернула в поток воды, стремительно катившийся по дороге. Было так страшно, что я почувствовала, как по спине стекает капля пота. Еще не добрались до Айдлвайлда, а уже

столкнулись с трудностями. Если сейчас напортачу, Корби никогда не простит мне, что я потащила ее сюда. Хуже того: расскажет своему братцу, который начнет бесконечные разглагольствования о том, что нечего и думать о сложном горном походе в суровых условиях, если я даже машину не могу вести по плохой погоде. Я должна пробиться сквозь этот дождь!

Задние шины задергались и забуксовали, но, наконец, «схватили» дорогу, и мы начали подъем.

– Видишь? – гордо сказала я, но мою грудь по-прежнему сдавливал страх. Нога «примерзла» к педали газа: я боялась, что стоит мне чуть-чуть сдвинуть ее, и джип забуксует или покатится назад, или вообще нас занесет и бросит с обрыва.

– Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь.

На лобовое стекло упали огромные снежинки, и я переключила скорость почти бесполезных дворников еще на пункт выше. Дальше нескольких метров перед носом я ничего не различала. Включила дальний свет, но особо лучше не стало.

Мы ползли, как улитки, еще час. Полотна дороги я даже не видела: только мимолетные проблески черного асфальта сквозь ослепительно-белое покрывало. Через каждые несколько метров шины вязли и буксовали. Я еще сильнее выжимала газ, но понимала, что долго так ехать не смогу. Одно дело спасать лицо перед Корби, но совсем другое – погубить нас обеих.

Мотор заглох. Я снова завела машину и стала давить на педаль газа чуточку полегче. Давай, поехали. Я уже не понимала, кого уговаривала: Wrangler или себя. Мотор завизжал и снова умолк. По крутому склону да по обледеневшей дороге ехать дальше было невозможно.

Определить, где именно я остановилась, было невозможно, и это пугало. Мы могли зависнуть на краю пропасти. Я включила аварийные огни, но валил такой густой снег, что никто бы их все равно не увидел, пока не стало бы слишком поздно.

Вытащив карту Келвина, я попыталась сориентироваться, но без толку: какие уж там ориентиры в такой белой мгле…

Несколько минут мы молча наблюдали, как от нашего дыхания запотевают стекла. Я была рада, что Корби, наконец-то, воздержалась от комментариев – спорить с нею сейчас было выше моих сил. Сама же я продолжала прокручивать в голове наши возможности.

Еды не было – она вся в доме. Миссис Верстеег попросила свою помощницу завезти провизию еще в прошлые выходные, чтобы избавить нас от хлопот. Мобильники не ловили. У нас с собой спальные мешки, но нельзя же, в самом деле, ночевать вот так вот, посреди дороги? А что, если в нас сзади врежется грузовик?

– Черт возьми! – буркнула Корби, протирая запотевшее стекло и вглядываясь в метель за окном. – Я в жизни не видела такого густого снегопада.

Снег покрывал всю дорогу, становясь все толще.

– Возможно, нам сейчас стоит развернуться, – предложила я. Хотя теперь и это был уже не вариант: съезжать вниз по льду еще опаснее, чем взбираться по нему вверх. К тому же я совершенно вымоталась – дорога сюда потребовала предельного напряжения. Тупая головная боль царапала череп.

– Мы не будем разворачиваться. Мы будем стоять здесь, – решительно заявила Корби. – Медведь, наверное, в часе или двух позади. Он нас вытянет.

– Корби, нельзя стоять посреди дороги, – это слишком опасно. Где-то выше должен быть «карман». Выходи и толкай.

– Что, прости?

– Здесь нельзя оставаться. Мы посередине дороги. – Честно говоря, я не знала, так ли это. Земля, деревья и небо слились в одну белую массу, было невозможно определить, где кончалось одно и начиналось другое. И хотя я на самом деле не думала, что нам стоит пытаться сдвинуть машину, – не тогда, когда мы ничего не видели, – я уже устала от глупых, бездумных предложений Корби и хотела проверить ее в деле. – Вылезай и толкай.

Глаза Корби расширились, потом прищурились.

– Ты что, серьезно? Там же, типа, снег идет.

– Хорошо, ты рули, а я буду толкать.

– Я не умею водить машину с механической коробкой.

Это я знала, но выжатое из нее признание не улучшило моего настроения, хотя я на это надеялась. Мы застряли, и я понятия не имела, как выбираться. Странное чувство подступило к горлу. Я внезапно испугалась, что мы в большей опасности, чем осознавали сами. Похолодев от ужаса, я отбросила навязчивые мысли и заставила себя вылезти из машины.

Ветер и снег тут же впились мне в кожу. Я нащупала в кармане куртки шерстяную лыжную шапочку. Пять минут на таком снегопаде – и она превратится в мокрую тряпку. У меня была запасная – бейсболка, Келвин подарил прошлым летом, закопанная где-то на дне рюкзака, но та промокла бы еще быстрее. Единственное, зачем я захватила ее в поездку, – ради удовольствия вернуть «бывшему» подарок, тем самым недвусмысленно показав, что между нами все кончено.

Обернув шею красным шарфом, я понадеялась, что он справится со своим делом лучше, чем шапка.

– Куда ты идешь?! – прокричала Корби в открытую дверь.

– Здесь спать нельзя. Если мотор будет работать всю ночь, у нас кончится бензин. Если не будет работать, мы замерзнем. – Я не отводила от Корби глаз, надеясь, что она понимает то, что я пытаюсь сказать. Хотя я и сама с трудом это понимала. Мысль о том, что мы можем оказаться в опасности, все еще не доходила до моего сознания. Еще я думала о папе. Знал ли он, что в горах идет снег? Может, он уже едет к нам на своем траке. Да нет, мы не в опасности – папа выручит… Вот только как он найдет нас?

– Но снега не обещали! – В голосе Корби послышались истерические нотки.

Если бы папа знал, что надвигается снегопад, он бы не отпустил меня. Сейчас я была бы дома, в безопасности. Нет, думать об этом сейчас – только время

тратить. Я здесь, идет снег, и нам нужно найти укрытие.

– Ты предлагаешь ночевать там? – Корби показала в сторону леса, темного и призрачного в снежных вихрях.

– Не может быть, чтобы мы оказались единственными людьми в округе! – прокричала я, засунув руки под мышки, чтобы хотя бы немного их согреть. – Если пройдем немного, обязательно найдем дом, в котором горит свет.

– А если заблудимся?

Вопрос вызвал у меня вспышку раздражения. Откуда я знала? Я проголодалась, мне хотелось в туалет, а я зависла на склоне горы. И бросаю свою машину, чтобы отправиться на поиски лучшего укрытия, которое могу и не найти. Телефон не работал, я никак не могла связаться с папой, а сердце билось так сильно, что кружилась голова.

Я захлопнула водительскую дверь, притворившись, что не слышала вопроса, и отодвинула «заблудиться» в самый конец списка своих страхов. Если папа не сможет проехать в горы, Корби и мне предстоит провести ночь в джипе. А если мы не найдем укрытие, то замерзнем насмерть. Я не признавалась Корби, но сама даже приблизительно не представляла, где мы. С ориентированием дела у нее обстояли еще хуже моего, и она полностью передоверила мне изучение инструкций мистера Верстеега. Ледяной дождь облепил все дорожные знаки, сделав их нечитаемыми, и, как я ни притворялась уверенной в себе, мучилась сомнениями, а правильно ли мы свернули на последнем повороте. В горы вела одна главная дорога, но если я свернула с нее слишком рано или слишком поздно…

Медведь ехал за нами на фургоне, но, если мы оказались на неверной дороге, он нас не найдет. Айдлвайлд мог быть за много километров от нас.

Хлопнула дверца – Корби решилась вылезти из машины.

– Может, я останусь здесь, пока ты ходишь на разведку? Тогда один из нас будет знать, где Wrangler.

– Если буря продлится всю ночь, никакой Wrangler нам не поможет, – объяснила я очевидное. Белые хлопья облепили волосы и куртку Корби. Снегопад еще больше усилился. Мне хотелось верить, что снег скоро прекратится, а еще хотелось верить, что Медведь уже рядом. Но тревожное чувство в глубине груди подсказывало: рассчитывать на это не стоило. – Нам нужно держаться вместе, – твердо заявила я. Это казалось хорошей мыслью, наверное, нечто подобное мог бы сказать Келвин.

– Но что, если мы пропустим Медведя? – запротестовала Корби.

– Отойдем всего на полчаса. Если ничего не найдем, вернемся.

– Обещаешь?

– Конечно. – Я старалась, чтобы мой голос звучал уверенно. Не хотела показывать Корби, как я обеспокоена. Если она догадается, что у меня вовсе не «все под контролем», то совсем потеряет голову, и тогда убедить ее в чем-либо станет совсем невозможно. Я достаточно знала подругу, чтобы предвидеть ее реакцию: Корби либо разревется, либо начнет орать на меня.

И тогда я не смогу думать. А именно на этом я должна была сосредоточиться: думать. Думать, как тот, кто умел выживать. Думать, как Келвин.

Я вытащила маленький фонарик из сумки со снаряжением и повела нас навстречу метели.

Мы месили снег тридцать минут. Потом сорок пять. Я шла по дороге, чтобы не потеряться, но стало так темно и валил такой густой снег, что было легко сбиться с пути.

Мы шли уже почти час, и я знала, что сильно рискую: Корби могла заныть с минуты на минуту.

– Еще чуть-чуть, – объявила я уже в который раз. – Глянем, что там, за теми деревьями.

Корби не ответила, и я задумалась, не была ли она так же напугана, как и я.

Снег вонзался в кожу острыми иглами; каждый шаг отдавался болью, и мой мозг начинал склоняться к другому плану действий. В джипе остались спальники и одеяла. Спать в машине мы не могли, не тогда, когда она стояла прямо на дороге, но если надеть всю одежду, какая у нас была, закопаться в сугроб и переночевать, тесно прижавшись друг к другу, сберегая тепло…

Свет. Вон там. Впереди.

Это был не мираж. Настоящий свет.

– Огни! – пискнула я слабым от холода голосом.

Корби расплакалась.

Я схватила ее за руку, и вдвоем мы потащились через заросли, по мягкой и раскисшей от снега почве. Земля липла к ботинкам, делая каждый шаг все тяжелее. Дом. Там дом. Все будет хорошо.

Сквозь окна пробивалось достаточно света, чтобы мы увидели на подъездной дорожке старый проржавевший фургончик, погребенный под слоем снега. В доме кто-то был.

Мы подбежали к двери, и я постучала. Не дожидаясь ответа, забарабанила громче. Корби присоединилась ко мне, молотя кулаками по двери. Я не позволяла себе даже думать, что, если никто не ответит, что, если они ушли, оставив фургон, что, если нам придется вламываться в дом, – я не сомневалась, что взломаю дверь, если придется.

Мгновение спустя с другой стороны двери послышались шаги. Меня затрясло от облегчения. Послышался приглушенный разговор, спор. Да чего они медлят? Скорее, скорее! – думала я. – Открывайте дверь, впустите нас!

Внезапно на крыльце вспыхнул фонарь, выхватывая нас с Корби из темноты. Я вздрогнула, ослепленная.

Звякнул засов, и дверь с тихим скрипом отворилась. В проеме стояли двое мужчин, более высокий – на шаг позади. Я сразу же узнала его: та же рубашка в

черно-красную клетку и тяжелые ботинки. Наши глаза встретились, и мгновение его взгляд выражал лишь простое любопытство. Но по мере осознания, кто перед ним, лицо парня делалось все жестче.

– Мэйсон?! – воскликнула я.

Глава 4

– Второй раз за день! – воскликнула я, улыбаясь Мэйсону, хоть и клацая зубами от холода. – Или потрясающее совпадение, или судьба на что-то нам намекает.

Мэйсон продолжал, не мигая, смотреть на меня, плотно сжав губы; его темные глаза не выражали гостеприимства. В открытую дверь залетал снег, но он не приглашал нас войти.

– Что вы здесь делаете? – Парень, подпиравший дверной косяк рядом с Мэйсоном, переводил вопросительный взгляд с нас на приятеля. – Ты ее знаешь? – Незнакомец выглядел ровесником Мэйсона: чуть за двадцать. Но был пониже, прямой и плоский, как доска, футболка, подобранная точно по размеру, облегала костлявую грудь. Светлые волосы неряшливо свисали на лоб, за парой круглых очков в черной оправе блестели льдисто-голубые глаза. Но больше всего мое внимание привлек кривой нос парня. Интересно, где он умудрился так его сломать?

– Откуда вы друг друга знаете? – спросила Корби, нетерпеливо подталкивая меня.

Я поверить не могла, что забыла рассказать ей про Мэйсона. Не замерзни я так сильно, наверное, расхохоталась бы, вспомнив исходящую ревностью физиономию Келвина, когда мы с моим «новым парнем» убеждали его, что мы вместе. Надо было рассказать ей все до приезда в Айдлвайлд, чтобы она помогла мне и дальше разыгрывать Келвина.

– Встречались… – начала я, но Мэйсон оборвал меня:

– Мы друг друга не знаем. Столкнулись сегодня утром в очереди на заправке. – Те «утренние» темные, волнующие карие глаза теперь дышали холодом и отчуждением, а говорил он отрывисто и раздраженно. С трудом верилось, что это тот же самый парень, с которым я флиртовала всего несколько часов назад. Я не понимала, почему сейчас он так себя вел и почему внезапно расхотел играть в нашем спектакле. Что изменилось?

Наши глаза снова встретились, и, если он и понял, что я смущена, то не обратил на это внимания.

– Чего надо? – повторил он еще резче.

– А как вы думаете? – Корби обхватила себя руками, нетерпеливо притопывая от холода.

– Мы з-застряли, – пролепетала я, сбитая с толку его враждебностью. – Мы попали в снегопад. И замерзли. Не могли бы вы, пожалуйста, пустить нас в дом?

– Пустим их, – предложил друг Мэйсону. – Ты только посмотри: они же промокли, как мыши.

Не дожидаясь дальнейших приглашений, Корби рванула внутрь, я шмыгнула следом. Едва незнакомый парень захлопнул за нами дверь, под кожу стало просачиваться тепло, и я задрожала от облегчения.

– Им нельзя оставаться здесь на ночь, – тут же заявил Мэйсон, загораживая проход дальше в дом.

– Если мы не останемся, – взмолилась Корби, – то превратимся в ледяные статуи. Вы же не хотите брать такой грех на душу, правда?

– Звучит угрожающе, – усмехнулся дружок Мэйсона, а в глазах его промелькнула веселая искорка. – Разумеется, мы не хотим нести ответственность за превращение девушек в ледяные статуи. Особенно таких, что намного лучше смотрятся тепленькими.

В ответ на этот прозрачный намек Корби присела в реверансе и просияла завлекательной улыбкой.

– Где ваша машина? – почти грубо спросил Мэйсон. – Где вы остановились?

– На главной дороге под вашим домом, – объяснила я. – Шли до вас почти час.

– Машину теперь, наверное, совсем засыпало, – добавила Корби.

– Невероятно, – пробормотал Мэйсон, сердито глядя на меня, словно это я была во всем виновата. Ну, прости, блин, что не умею управлять погодой. Прости, что прошу о помощи, о небольшом гостеприимстве.

– Вы одни? – спросил второй парень. – Вас только двое? Я Шон, кстати.

– А я Корби, – ответила подруга бархатным голоском.

Шон пожал Корби руку, потом протянул руку мне. Я слишком замерзла, чтобы вытаскивать свою из кармана, и, сжавшись под курткой, просто кивнула:

– Бритт.

– Да, нас только двое, – откликнулась Корби. – Позвольте нам остаться. Будет весело, обещаю, – прибавила она с жеманной провокационной улыбкой.

Не обращая внимания на кокетство Корби, я пристально разглядывала Мэйсона, силясь понять, почему он ведет себя так странно. Утром-то из кожи вон лез ради меня. Я попыталась заглянуть за его широкую фигуру вглубь дома в поисках объяснения внезапной холодности парня. Может, мы с Корби чему-то помешали? Или тут было что-то – или кто-то – не предназначенное для наших глаз?

Впрочем, Мэйсон с Шоном явно были здесь одни. Судя по двум мужским курткам, сушившимся на крюках в прихожей.

– Нет, правда: будет весело – вчетвером залечь в этой берлоге, – убеждала их Корби. – Можно прижиматься друг к другу, чтобы сберечь тепло, – хихикнула она.

Я переключила свое раздражение на подругу. Что за чушь она несет! Мы даже не знаем этих парней! А Корби, казалось, совсем забыла, что еще несколько минут назад готовилась замерзнуть в горах. Я же все еще тряслась от страха, и, глядя на то, как она очаровывает Шона, мне хотелось как следует встряхнуть ее. В лесу я испугалась. По-настоящему испугалась. Что с ней такое, что она так легко переключается с рыданий на хихиканье?

– Мы останемся только на ночь, – заверила я Мэйсона и Шона. – Уйдем рано утром.

Шон приобнял Мэйсона за плечи со словами:

– Что скажешь, дружище? Выручим этих бедняжек?

– Нет, – не задумываясь, бросил Мэйсон, с непонятной злобой скидывая руку Шона. – Вы не можете здесь оставаться, – сказал он мне.

– Но мы не можем оставаться и на улице, – заспорила я. Была некоторая ирония в том, что я уговаривала его пустить нас переночевать. Потому что чем дольше продолжался этот разговор, тем меньше мне хотелось оставаться под одной крышей с Мэйсоном. Я не понимала этого: в человеке, стоявшем передо мной, не было ни следа того добродушного, веселого парня. Почему он так изменился?

– Иногда нужно просто не обращать внимания на Мэйса-Эйса[11 - Mace the Ace – прозвище англичанина Кристофера Джона Мэйсона, бывшего игрока в дартс.], – объяснил нам Шон со странной улыбкой. – Он хорош во многом, но не всегда дружелюбен.

– Вот это новость, – буркнула Корби себе под нос.

– Да ладно тебе, Эйс. Могло быть хуже, – подмигнул Шон, хлопая Мэйсона по спине. – Например… – Он задумчиво почесал подбородок. – Честно говоря, не могу придумать ничего лучшего, чем переждать эту метель в компании двух симпатичных девушек. На самом деле, появление этих юных особ – самое чудесное, что могло с нами случиться.

– Можно переговорить с тобой наедине? – тихо спросил Мэйсон сдавленным голосом.

– Конечно, только сперва согреем несчастных. Посмотри только: они же закоченели, бедняжки.

– Сейчас!

– Да расслабься ты, – раздраженно бросила Корби Мэйсону. – Мы не маньяки-убийцы. – Честное девическое! – игриво добавила она, обращаясь к Шону.

Шон ухмыльнулся Мэйсону, слегка толкая его в грудь.

– Слышишь, дружище? Она дает честное девическое!

Весь этот разговор действовал мне на нервы. Я так окоченела от холода, что готова была пролететь мимо Мэйсона к камину в глубине дома, отбрасывавшему пляшущие тени на стену в конце коридора. Я уже представляла, как сижу рядом с ним, впитывая тепло и наконец-то отогреваясь.

– От одной ночи еще никто точно не умирал, а, Эйс? – продолжал Шон. – Что мы будем за мужики, если откажем этим девушкам?

Мэйсон ничего не ответил, но еще больше напрягся. Трудно было выразить свои чувства яснее: он не хотел, чтобы мы оставались в хижине. Шон же, напротив, был более чем счастлив, если бы мы пробыли столько, сколько хотели. Может, эти двое ссорились перед тем, как появились мы с Корби? Я чувствовала напряжение между ними, трещавшее, словно высоковольтные провода.

– А можно, пожалуйста, мы обсудим все это перед камином? – спросила Корби.

– Отличная мысль! – отозвался Шон и зашагал в комнату. Корби поспешила следом за ним по коридору, на ходу разматывая шарф.

Оставшись наедине с Мэйсоном, я увидела, как парень сник, смирившись с горечью поражения. Всего на мгновение, а затем его лицо снова ожесточилось. От гнева? Враждебности? Взгляд Мэйсона буквально впивался в меня, и я

подумала: не хочет ли он что-то мне сказать? Его глаза дышали силой, которая не могла не выражать что-то значительное и глубокое.

– В чем дело? – пробормотала я себе под нос, пытаясь обойти его. Мэйсон стоял передо мной, перекрывая коридор, и я рассчитывала, что он подвинется, когда я шагну прямо на него. Ничего подобного. Он продолжал загораживать мне проход, его тело оказалось тревожно близко.

– Спасибо за радушный прием, – вскинула голову я. – Такой теплый, я прямо таю.

– Это плохая идея.

– Что плохая идея? – спросила я, надеясь спровоцировать его на признание, отчего он ведет себя так странно.

– Вам здесь делать нечего.

– Почему это?

Я дала ему время на ответ, но он просто продолжал прожигать меня свирепым взглядом темных глаз.

Я старалась оставаться спокойной.

– Знаешь, у нас не было выбора. – Я решила объясниться еще раз. – Хотя и понимаю: дважды за день спасать мою задницу для тебя перебор.

– О чем ты? – раздраженно буркнул парень.

– Ты помог мне сохранить лицо перед моим бывшим, забыл? Но, конечно, спасти меня от смерти в снегу – слишком большая жертва.

– Эй, чего вы там шепчетесь? – весело гаркнул Шон из комнаты. Эти двое уже сидели на маленьком клетчатом диванчике, Корби вытянула ноги к парню. Мне даже показалось, кончик ее ботинка касается его икры. Подруга явно перестала ждать Медведя-спасителя. – Идите сюда, здесь теплее!

Мэйсон понизил голос, говоря тихо, но настойчиво:

– Все прямо вот так плохо? Твоя машина действительно застряла? Если мы с тобой сходим к ней попозже, мы не сможем ее откопать?

– Что угодно, лишь бы избавиться от меня? – напряженно бросила я.

Я не заслужила такого обращения – это после всего, что было между нами в магазине? Мне хотелось получить объяснение. Куда делся тот Мэйсон?

– Просто ответь, – быстро прошептал он.

– Нет. Дорога заледенела, а уклон слишком крутой. Машина сегодня никуда не поедет.

– Уверена?

– Слушай, кончай нудеть! – Несмотря на то, что Мэйсон так и не сдвинулся с места, я двинулась вперед и даже задела его руку, пока протискивалась между ним и стеной.

На середине коридора я оглянулась: он все так же стоял спиной ко мне, потирая рукой коротко остриженный затылок. Что его так напрягало? Чем бы это ни было, меня оно тоже беспокоило.

Хотя мы с Корби и укрылись от метели, в этой хижине я не чувствовала себя в безопасности. Не считая нашего столкновения утром, я видела Мэйсона всего-то во второй раз. И кто такой этот Шон? И хотя угроза замерзнуть насмерть на этот момент отступила, мы собирались провести ночь с двумя парнями, о которых вообще ничего не знали, и тем более, можно ли им доверять. Это нервировало. Оставалось только быть начеку и надеяться, что снегопад скоро кончится.

Я вошла в комнату.

– Еще раз спасибо, что пустили переночевать, – поблагодарила я Шона. – Погода просто отстой.

– И я собираюсь за это выпить! – объявил парень, поднимая пластиковый стаканчик с водой.

– У вас есть стационарный телефон? – пропищала Корби. – А то наши мобильники здесь не ловят.

– Не-а, телефона нет. Но есть чили и пиво. И даже свободная кровать. А где вы планировали сегодня ночевать? До начала снегопада, я имею в виду, – спросил нас Шон.

– У меня в семейном доме, – ответила Корби. – В Айдлвайлде.

По лицу Шона стало ясно, что название ему ничего не говорит. Видимо, я все-таки свернула не туда и домик Верстеегов очень далеко от этого места.

– Такой большой красивый дом с каменными трубами, – добавила я, надеясь, что он все-таки вспомнит. Айдлвайлд единственный стоял на озере и уже сам по себе был приметным ориентиром.

– Насколько это далеко? – вмешался Мэйсон, который застыл в дверях. – Я могу вас туда отвезти.

Шон недовольно глянул на Мэйсона, еле уловимо, но твердо покачав головой. В ответ губы Мэйсона сжались еще жестче, и я почувствовала пульсирующее напряжение в мрачных взглядах, которыми они обменялись.

– Ты бы посмотрел, что там творится, прежде чем предлагать, – вступила Корби. – Представь себе слой грязи несколько сантиметров глубиной. А сверху еще десять сантиметров снега. Никто сегодня никуда не пойдет.

– Твоя правда! – откликнулся Шон, вставая с диванчика. – Девушки, могу я предложить вам выпить? У нас есть вода и смесь для приготовления горячего шоколада, хотя не поручусь за ее свежесть. И две бутылки пива.

– Воды, пожалуйста, – попросила я.

– Не вопрос. Корби?

– То же самое. – Она сложила руки на коленях и одарила его обворожительной улыбкой.

– Эйс, дружище?

Мэйсон так и стоял в дверях комнаты с угрюмым, кажется, обеспокоенным выражением на лице. Он, должно быть, глубоко о чем-то задумался, потому что лишь через несколько секунд, вздрогнув, ответил:

– Что?

– Выпьешь?

– Я сам себе налью.

Шон исчез на кухне, а Мэйсон засунул руки в карманы и прислонился к стене, буравя нас взглядом. Я вопросительно вскинула бровь. Говорила себе, что лучше просто не обращать на него внимания, но ничего не могла с собой поделать – меня распирало от любопытства. Что случилось с его настроением? Где был тот дружелюбный и, я бы даже сказала, привлекательный «утренний» парень? Потому что я хотела, чтобы тот парень вернулся. Почему-то – я не могла объяснить почему – мне хотелось вернуть того парня намного больше, чем Келвина. Что говорило о многом.

– Прикольная избенка, – сказала Корби, оглядывая ничем не обшитые бревна на потолке. – Кто тут из вас хозяин?

Мы с Корби повернулись к Мэйсону, который никак не отреагировал.

Театрально вздохнув, Корби встала с диванчика, подошла к Мэйсону и щелкнула пальцами перед его носом.

– Это называется английский язык. Воспользуйся им.

В это мгновение в комнату вернулся Шон.

– Хижина Эйса, – сказал он. – Его родители недавно скончались и завещали дом ему. Это наш первый приезд сюда после похорон.

– О. – Я сглотнула. – Наверное, это очень нелегко: столько воспоминаний, – дипломатично пробормотала я. Мэйсон, казалось, не слышал меня или решил не обращать внимания. Он словно приклеился взглядом к Шону: брови нахмурены, глаза горят.

– Эйс не любит говорить об этом, – беззаботно объяснил Шон с чуть ли не веселой улыбкой на губах. – Он атеист; смерть всегда выводит его из равновесия. Не верит он в жизнь после смерти. Так, дружище?

Мы все молчали. Я неловко кашлянула. Я, конечно, не собиралась зацикливаться на чувствах Мэйсона, но такая бесчувственность Шона – это был уже перебор.

Парень разрядил напряжение обезоруживающим смехом.

– Девчонки, ну нельзя же быть такими легковерными. Видели бы вы свои лица! Хижина – моя, а не Эйса. И, если хотите знать, его родители в добром здравии наслаждаются жизнью на пенсии в Скоттсдейле, в Аризоне.

– Ты хуже моего брата, – простонала Корби, швыряя в парня диванную подушку.

Шон широко улыбнулся.

– Считай это платой за ночлег. Придется смириться с моим извращенным чувством юмора. – Он потер руки. – Рассказывайте, девушки: что вы делаете в горах одни?

– Голодаем, – честно объявила Корби. – Время ужинать. Можно, мы поедим, а потом поговорим? Клянусь, пока я продиралась сюда, сбросила килограммов пять.

Шон взглянул на меня и Мэйсона, потом пожал плечами:

– Справедливо. Девчонки, вас ждет лучшее чили в вашей жизни! Вот погодите, увидите!

– Давай, колдуй, – велела ему Корби, жестом отправляя парня на кухню. – Только без меня. Я не занимаюсь ручным трудом, в том числе готовкой. И не пытайся привлечь к этому Бритт. Она готовит еще хуже меня, – добавила она, пристально показывая мне взглядом: «Даже не думай помогать ему – он мой!»

Я понимала, почему Корби не хочет, чтобы я оставалась с Шоном наедине. Но к моему удивлению, Мэйсон тоже внезапно напрягся: словно был готов вмешаться, реши я выйти из комнаты с его дружком. Он пристально посмотрел на меня, это явно было предупреждение. Мне стало смешно: сначала он не хочет меня видеть ни здесь, ни там, ни сям. Но при этом особенно не хочет видеть меня рядом с Шоном. М-да, тяжелый случай. Что же, если этим его можно позлить, я не хотела упускать такой шанс.

– Корби права: повариха из меня действительно никакая. Но если я чего-то не умею, не значит, что я отказываюсь это делать, – пустила я маленькую шпильку в сторону подруги. – С удовольствием помогу тебе с ужином.

И, прежде чем кто-либо успел меня остановить, я проскользнула на кухню.

Глава 5

На хорошо обставленной кухне располагался неровный стол из сосновых досок, на полу лежал ковер с орнаментом Навахо, на стенах – фотографии хребта Титон всех времен года в рамочках. С полки, подвешенной над разделочным столиком, свисали алюминиевые кастрюли и сковородки, чей блеск приглушали толстый слой пыли и серебристые гирлянды паутины. Очевидно, Шон не часто сюда заглядывал.

В двустороннем камине, выходившем другой стороной в жилую комнату, весело потрескивал огонь, распространяя приятный запах дерева и дымка. Впечатляло, что Шон мог позволить себе такую обстановку. Конечно, его домик и близко не мог сравниться с усадьбой Верстеегов, но, в конце концов, мама Корби уже много лет была преуспевающим бракоразводным адвокатом.

– Чем ты зарабатываешь на жизнь? – невольно вырвалось у меня. Шон уже закончил колледж? Кто он: акула банковского бизнеса, финансовый гений?

Парень улыбнулся – легко, но с самоиронией:

– Я – всего лишь лыжник-лоботряс. Сейчас взял паузу в учебе, пока не разберусь, чего сам хочу от этой жизни. Строго говоря, домишко-то родительский. Но они уже не катаются на лыжах, поэтому отдали его мне. И я все время пропадаю здесь.

«Питается, наверное, только фастфудом», – подумала я. Кастрюли уже сто лет не брали в руки.

– Что-то до курорта далековато…

– Мне не трудно подъехать.

Я вымыла руки и, не найдя посудного полотенца, вытерла их о джинсы.

– С чего начнем? Я худо-бедно умею открывать банки. – Прежде чем Шон успел остановить меня, я подошла к кладовке и открыла дверцу. К моему удивлению, не считая двух банок чили и выцветшей жестянки с какао «Суис-Мисс», полки были совершенно пусты.

Шон подошел ко мне.

– По пути сюда мы забыли заехать в магазин, – объяснил он.

– У нас нет еды… – ошеломленно пробормотала я.

– К утру снег кончится, и сгоняем за продуктами.

Ближайший магазин был за много километров отсюда. Мы его проезжали.

– Вы не купили ни грамма еды по пути в горы?

– Очень спешили, – почти резко ответил Шон.

Я не стала развивать тему: по его тону было понятно, что парень не горит желанием это обсуждать. Но такая неподготовленность показалась мне откровенно тревожной. Шон сказал, что часто приезжает в хижину покататься на лыжах, но помещение выглядело так, будто им уже давно никто не пользовался. И что-то еще беспокоило меня: что-то в том, как вел себя сам хозяин – отстраненно, что ли? Очаровывал, любезничал, но выглядел скорее холодным и неискренним.

Или у меня просто разыгралась паранойя от того, что я застряла в хижине с двумя незнакомцами? Однако как ни крути, именно Шон пригласил нас зайти, он готовил нам ужин. Я приказала себе расслабиться и принять его своеобразное гостеприимство.

Медленно и аккуратно я открыла банки с чили, ощущая потребность сберечь их как единственный источник пищи до конца бури, – если она перерастет во что-то худшее, они могли стать нашим единственным спасением на ближайшие дни. У меня в джипе остались батончики мюсли, и я пожалела, что не захватила их. Нерешительно я пододвинула банки к Шону, который поставил на плиту большую кастрюлю.

Машинально проверила мобильный – нет ли сообщений. Может, Келвин пытался дозвониться до нас? Мы должны были приехать в Айдлвайлд к шести, а сейчас было уже почти девять.

– Пока не спустишься пониже и не выберешься за границу леса, твоя мобила – не более чем гирька в кармане.

Я негромко застонала. Шон был прав.

– Вот же блин: каждые пять минут его проверяю – привычка. Без него чувствую себя совершенно беспомощной.

– А ты? – сменил он тему. – Часто сюда наезжаешь?

Я покрутила телефон над головой, но на индикаторе сигнала не появилось ни палочки.

– Конечно, – рассеянно ответила я.

– И хорошо знаешь эти места?

– Уж получше Корби, – рассмеялась я. – И этим горжусь: домиком владеет ее семья, но чувство ориентирования развито у меня. – За исключением того, что мое хваленое чувство при подъеме в гору в дождь не сработало. Но произносить это вслух я не стала.

– А у Корби лучше получается изображать «девицу в беде».

Я не стала говорить, что и эту роль обычно исполняю лучше, поскольку его слова прозвучали явно неодобрительно.

– Так, значит, вы тут на весенние каникулы? – продолжил Шон. – Дай угадаю: девичник в лесном домике? Куча фильмов с Кристианом Бейлом, мороженого и сплетен?

– Замени Кристиана Бейла Джеймсом Макэвоем и можешь пойти в экстрасенсы, – пошутила я.

– Я серьезно: мне хочется понять, что вы здесь собрались делать. Обо мне ты знаешь, теперь твоя очередь раскрыть карты.

Надо было бы заметить, что на самом-то деле я практически ничего о нем не узнала, но поговорить о себе – это всегда.

– Мы с Корби собрались в поход по хребту Титон. Шестьдесят километров. Целый год готовились.

Парень восхищенно поднял брови:

– Через весь хребет? Впечатляет. Не пойми меня неправильно, но Корби как-то не похожа на заядлую походницу.

– Э-э, насчет шестидесяти километров она пока не в курсе.

Он громко, гулко расхохотался.

– Хотел бы я увидеть ее лицо, когда ты ей сообщишь!

Я улыбнулась:

– Да, будет незабываемо, я уверена.

– Держу пари, ваша машина ломится от крутого снаряжения.

– Да еще как!

Корби назначила свою маму заведовать нашими сборами, а миссис Верстеег поручила это своей помощнице, которая с удовольствием спустила деньги начальницы. Все доставил курьер из «Кабеласа»[12 - Торговая сеть, специализирующаяся на товарах для туристов.]. Это было неожиданно и приятно, но была одна загвоздка. Я знала, что мистер Верстеег заставлял Келвина самого оплачивать все, что тот покупал для похода. Если парень узнает, что для нас это сделали его родители, лопнет от ярости. Кэл вечно жаловался: мол, «предки» балуют Корби; и когда мы с ним встречались, он не скрывал, что родители к нему несправедливы и ничего не меняется. Я сомневалась, что даже его поступление в Стэнфорд что-то сильно изменило. И для того, чтобы сохранить мир в доме на время нашего совместного пребывания, нужно будет напомнить Корби, чтобы та в присутствии Келвина помалкивала.

– Зуб даю, ты крутой эксперт по окрестностям. – Шон заманивал меня легкой лестью, и я неожиданно обнаружила, что заглотила наживку.

– Да, часто приезжаю побродить по горам, – брякнула я, не подумав. – Совершала более короткие броски по выходным, чтобы подготовиться к этому большому походу. – Что ж, это, по крайней мере, было во многом правдой. – Хотелось хорошенько подготовиться. Большинство моих друзей проводят весенние каникулы на Гавайях, но я хотела сделать что-то, требующее полной отдачи, понимаешь?

– И что, вы совершенно вдвоем: только ты и Корби? Ваши родители вас там не ждут?

Я замялась, чуть было не рассказав про Келвина и Медведя, но в последний миг передумала. Первое правило общения с парнями: никогда не упоминать своего бывшего. От этого начинаешь выглядеть прилипчивой. И жалкой.

– Моя мама умерла от рака давно, когда я была совсем маленькой, у меня теперь только папа. – И я с независимым видом пожала плечами. – Он доверяет мне. Не сомневается в моей самостоятельности. Я сказала ему: увидимся в конце недели. Если попаду в переделку, он знает, что я сама смогу из нее выбраться. – А это уже была откровенная ложь. Отец никогда не видел, как я выпутываюсь из трудных ситуаций. Даже сама идея была для него чем-то немыслимым. Мой папа – образец опекающего и заботливого родителя. Потому что я была девочкой, самой младшей, и потому что потеряла маму, даже не успев ее узнать и запомнить. Малейшая проблема – и папа бросался мне на помощь. По правде говоря, я охотно соглашалась во всем полагаться на него и на любого другого мужчину в своей жизни. Такая стратегия отлично работала… пока не разбила мне сердце.

Шон загадочно улыбнулся.

– Что? – спросила я.

– Ничего. Просто удивляюсь. Я записал вас с Корби в образцовые глупенькие старшеклассницы: вечно хихикающие, беспомощные неумехи.

Я захлопала глазами:

– Прямо даже не знаю, что делать со всеми этими комплиментами!

Мы оба засмеялись.

– Готов исправиться, – он понизил голос, чтобы наш разговор не слышали те, кто оставался в комнате. – К какому типу относится Корби, я вычислил через минуту после того, как вы, девчонки, к нам постучались. Но тебя оказалось труднее раскусить. Ты симпатичная и при этом умная, это сбило меня с толку –

большинство симпатичных девушек такими качествами не обладают. Им, конечно, жуть как нравятся приключения, но не такие. Не поход по хребту Титон.

Лучшего комплимента для себя я бы и придумать не смогла. Мне хотелось, чтобы и Кэл услышал его слова, все до единого. Чтобы он увидел: мною заинтересовался парень старше меня, даже старше самого Келвина, заинтересовался и поверил мне. Я кокетливо улыбнулась:

– Уж не флиртуешь ли ты со мной, Шон?

– Думаю, титул главной флиртовальщицы достанется Корби.

Я не ожидала такого, и мне понадобилась секунда, чтобы обдумать столь же уклончивый ответ:

– Корби – мастер своего дела.

– А ты? – Он сделал шаг в мою сторону. – Ты вообще когда-нибудь флиртуешь, Бритт?

Я заколебалась. Мы были едва знакомы, да и Корби недвусмысленно «застолбила» его за собой. Но у нее уже есть парень. Если на то пошло, «столбить» кого-либо надо было мне.

– Если только в правильное время, – лукаво улыбнулась я. – С правильным парнем.

– А сейчас? – Теперь он стоял так близко, что его хриплый шепот раздавался прямо надо мной. – По-моему, время – самое то, и мы оба это знаем.

Интересно, у Шона сейчас так же стучит в висках, как и у меня? Он бросает украдкой взгляды на мои губы, и я бесстыдно рассматриваю его рот?

– А как с Корби? – тихо спросила я.

– А что с ней?

– Ты ей нравишься.

– А мне нравишься ты. – Он разлил воду по стаканчикам и махнул своим в мою сторону. – За метель! Которая привела тебя ко мне.

Я чокнулась с ним, благодаря судьбу за то, что нашла Шона, потому что еще минуту назад готовилась спасать себя сама. Теперь же легкомысленно повелась на внимание привлекательного взрослого парня.

Вряд ли какая-нибудь из моих подруг приедет с весенних каникул с лучшей историей.

* * *

Когда чили, томившийся на медленном огне, должен был вот-вот приготовиться, мы с Корби пошли в ванную привести себя в порядок к ужину.

– Весело было готовить с Шоном? – не скрывая раздражения, спросила подруга.

– Нормально, – уклончиво и спокойно ответила я. Моему мелочному второму «я» нравилось держать ее в напряжении. В качестве платы за «наезд» на мою машину.

– Ты оставила меня наедине с Франкенштейном.

– Франкенштейн – это доктор. Я оставила тебя с чудовищем Франкенштейна. И вообще, не обязательно было оставаться в комнате. Могла бы пойти со мной и помочь нам с Шоном.

– После того, как я сказала, что не занимаюсь готовкой?

Я пожала плечами: «Дело твое».

– И о чем же вы разговаривали? – начала допрос Корби.

– Тебе-то что? У тебя есть Медведь.

– Но Медведь далеко, а Шон – рядом. Ну? О чем говорили?

Я закончила мыть руки, но, поскольку полотенца в ванной тоже не было, снова вытерла их о джинсы.

– Да так, о всяком-разном. В основном о нашем походе.

– И все? – с явным облегчением уточнила подруга. – Только об этом? Ты не пыталась с ним заигрывать?

– А если и пыталась? – ощетинилась я.

– Я первая его забила!

– У тебя есть Медведь.

– Мы с Медведем осенью разъедемся по разным колледжам.

– И что?

– А то, что это не навсегда. К чему хранить верность, если знаешь, что отношения рано или поздно закончатся. И вообще, чья бы корова мычала – вы с Келвином тоже не были образцовой парой.

Я резко повернулась к ней:

– О чем ты говоришь?

– Он целовался с Рейчел. У меня на вечеринке у бассейна прошлым летом.

– Рейчел Снейвли? – изумленно ахнула я.

Корби победно подняла брови.

– Все мы не без греха, Бритт. Прими это.

Представляя Келвина целующимся с Рейчел, я крепко вцепилась в край стола. Мы с ним начали встречаться в апреле, год назад. Вечеринку в бассейне Корби устроила в июле. Я была верна Кэлу до самого нашего разрыва в октябре, но, как выясняется, он сам подобной ерундой не заморачивался. Интересно, случай с Рейчел – это «один раз оступился»? Или он обманывал меня постоянно? А сама Рейчел? Как она успокаивала свою совесть, целуясь с ним за моей спиной?

– И тебе только сейчас пришло в голову, что мне нужно было бы об этом знать?

– Слушай, научись смотреть на вещи реально! Всю оставшуюся жизнь мы будем связаны обязательствами. А сейчас время получать удовольствие.

Не это ли говорил себе Келвин, целуя Рейчел? Что удовольствие отменяет обязательства по отношению ко мне? А какие оправдания придумала себе Рейчел? Ох, скорее бы подвернулась возможность спросить ее прямо! Так, зачеркиваем прежние планы. Больше я не собираюсь кадрить Келвина на предстоящих каникулах!

– Ужин готов! – крикнул Шон с кухни.

Прежде чем я успела выйти из ванной, Корби схватила меня за рукав.

– Я первая забила! – еще настойчивее повторила она.

Мой взгляд упал на пальцы, крепко вцепившиеся мне в рубашку.

– Ты хочешь Шона только потому, что я его захотела, – продолжила она с непонятным раздражением. – Ты всегда хочешь то, что есть у меня. И это утомляет. Кончай жить чужой жизнью. Хватит пытаться быть мною.

Ее слова ранили, но не потому, что были правдой. Я ненавидела, когда она так на меня наезжала. В такие минуты наша дружба казалась не стоящей ломаного гроша, и я спрашивала себя, как мы вообще до сих пор оставались подругами. Я чуть не проговорилась о тайной табличке в ее дневнике – едва не спросила: если это я изо всех сил пыталась стать ею, зачем тогда она записывала всякую

мелочь, которую сделала, сказала или приобрела именно я, и непременно старалась превзойти меня в каждом пункте? Но это означало бы признаться, что я залезла в ее дневник, – моя гордость такого не позволяла. Кроме того, если я открою ей, что знаю ее секрет, она проследит за тем, чтобы больше я к ней в дневник ни разу не заглянула, а мне пока не хотелось лишать себя такой возможности.

Я натянула на лицо снисходительную улыбку, зная, что это выведет ее из себя. Она хотела втянуть меня в ссору, чтобы на весь вечер испортить мне настроение, но в этой игре я не собиралась проигрывать. Черт подери, я собиралась напропалую флиртовать с Шоном!

– Думаю, пора идти ужинать, нас мальчики ждут, – легко и невозмутимо прощебетала я, первой выходя из ванной.

Подходя к кухне, я услышала горячий шепот споривших Шона и Мэйсона.

– О чем ты только думал? Ты вообще способен думать? – вопрошал Мэйсон.

– У меня все под контролем.

– Под контролем? Ты серьезно? Оглянись вокруг, чувак!

– Я выведу нас отсюда, отвечаю.

– Я должен свалить из этих гор, – прошипел Мэйсон.

Шон хохотнул:

– Тебе никуда от меня не деться, дружище. Чертова погода. Что нам делать?

Я нахмурилась, не понимая, о чем они спорят, но парни сразу замолчали.

Ужинать с нами Мэйсон не стал: уйдя в дальний конец кухни, он оперся плечом об оконную раму и по очереди пригвождал нас троих стальным взглядом. Выглядел при этом не веселее чучела головы оленя над камином. Время от времени он взъерошивал свои короткие волосы или скреб в затылке, но в

основном постоянно держал руки в карманах. Под запавшими глазами сгущались тени – что было причиной тому: усталость или беспокойство, я понять не могла. Не понимала я и чем он так расстроен, чем мы с Корби так ему помешали. Одно было ясно: он хотел, чтобы мы ушли. Если бы не Шон, Мэйсон, вероятно, вышвырнул бы нас на улицу, прямо в бурю. И надо же: именно в эту секунду он поднял глаза, обнаружив, что я уставилась на него.

Парень еле заметно покачал головой. Я не поняла, что это значило. Если хочет что-то мне сообщить, почему не подойти и не сказать вслух?

– Неужто не голодный, а, Эйс? – спросил его Шон. Выставив миски, ложки и салфетки на стол, он стал беспорядочно открывать дверцы буфета и комода одну за другой. Мне показалось странным, что он не знает собственной кухни. С другой стороны, Иэн тоже каждый раз устраивал в кухне охоту на посуду – и это в доме, где мы прожили всю свою жизнь! Наконец Шон извлек из шкафчика за печкой подставку под горячее и торжественно водрузил ее в центр стола.

Мэйсон, смотревший в темноту за окном, опустил шторы.

– Нет.

– Нам больше достанется, – объявила Корби. По всему было видно, что Мэйсон ей не нравится. И я прекрасно ее понимала: парень почти ничего не говорил, а выражение его лица – когда оно вообще появлялось – находилось где-то посередине между злобным и угрожающим.

– Снег еще идет? – спросил Шон.

– Еще как!

– Ничего, это не навечно.

Шон разложил чили в три миски и едва успел выбрать себе стул, как Корби плюхнулась рядом с ним.

– Итак, – спросила она, повернувшись к парню, – что вы, ребята, тут делаете? Вы нам так и не сказали.

– На лыжах катаемся.

– Целую неделю?

– План такой.

– Но вы не взяли никакой еды. Я заглянула в холодильник. Там пусто. Даже молока нет.

Шон затолкал ложку перчиков в рот и поморщился.

– Самое отвратное чили, которое я когда-либо ел. На вкус как ржавчина.

Корби проглотила кусочек и тоже скривилась:

– Нет, как песок. Аж на зубах скрипит. Ты хоть проверил срок годности на банках?

Шон раздраженно фыркнул:

– Дареному коню в зубы не смотрят.

Корби оттолкнула миску:

– Да я лучше поголодаю, чем стану есть это!

– Неужели все так плохо? – подал голос Мэйсон, заставив нас повернуться к нему. Взгляд Мэйсона настороженно перебегал с Шона на Корби, словно он боялся: вот-вот что-то случится.

– Ты попробуй, потом говори, – злобно буркнула Корби. – Я бы сейчас что угодно отдала за филе лосося. Мы всегда едим лосося, когда сюда приезжаем. Лосося с жасминовым рисом и спаржевой фасолью на пару. Летом – лосось с рукколой и сосновыми орешками. А иногда мама делает к лососю умопомрачительные чатни из манго.

– Валяй дальше, – посоветовал Шон, резко бросив ложку на стол, – расскажи, какие тебе подают напитки и что ты обычно ешь на десерт.

– Ты надо мной смеешься? – надулась она.

– Просто поешь, – велел Мэйсон, по-прежнему оставаясь у окна. Интересно, почему он встревает? Парень ясно показывал, что не хочет иметь с нами дела. Наверняка предпочел бы заняться массой других вещей, чем терпеть наше присутствие.

– Слишком велик риск «заработать» ботулизм, – с надменным видом откликнулась Корби. – Я – пас. Вот что получается, когда просишь Бритт помочь с готовкой. Я предупреждала: она – ужас кухни!

Шон еле слышно хмыкнул, но в его смешке явно слышались раздраженные нотки. Я уже подумала, мне показалось, но он прошипел жестким и зловещим голосом:

– Не будь неблагодарной, Корби.

– Ага, вот, значит, как. Ты можешь шутить, а я нет. Попахивает мужскм шовинизмом, – поддразнила парня Корби. – И потом, я обвиняла Бритт, а не тебя.

– Ешь этот чертов чили. – Угроза в тихом голосе Шона заставила волоски на моих руках встать дыбом.

– Вот почему вы должны были привезти свежей еды, – задрала нос Корби.

– Дай ему передышку, – шепнула я подруге, явно слишком занятой собой, чтобы уловить напряжение, вовсю звеневшее в воздухе.

– Если посреди ночи мы проснемся от желудочных колик, я знаю, кого винить, – процедила она, сердито глядя на меня. Кажется, Корби не понимала: пуская шпильки в меня, она одновременно проявляла грубость и неблагодарность по отношению к Шону. И того это явно задевало. Надеюсь, ей скоро надоест злиться на меня, и до нее дойдет, что ее реплики ставят всех в неудобное положение.

Я бросила взгляд на Шона. Его лицо напряглось, став еще более угловатым, голубые глаза пылали холодным пламенем. Я поежилась, сердце забилось чаще, но скорее не от страха, а от неуверенности. Снова возникло ощущение: что-то не так. Вся комната, казалось, вибрирует от высокого напряжения, но, очевидно, Шона выводили из себя не оскорбления Корби. Она всегда такая – никогда не чувствует, когда пора заткнуться. И даже если чувствует, это ее не останавливает – язык работает на автопилоте. Последнее слово всегда должно остаться за ней! Неужели Шон до сих пор этого не понял?

– Дайте-ка и мне чили. – Мэйсон подошел к столу, разрядив напряжение, от которого воздух в комнате почти что искрился, и заграбастал миску Корби, сделав ей выговор мрачным взглядом.

Подруга только захлопала ресницами и не нашлась, что ответить.

Мгновение спустя Шон откинулся на стуле, балансируя на задних ножках и сложив руки за головой. Он улыбнулся нам, всем по очереди, словно ничего не произошло.

– Эйс, думаю, пора переходить к делу.

– Если речь о мытье посуды, это не ко мне, – поспешила объявить Корби. – Я за то, чтобы ее мыл Мэйс-Эйс, – прибавила она, мстительно блеснув глазами. – Он, кажется, просто без ума от моей миски: только гляньте, как нежно он нянчит ее в своих крепких мужских руках. Позволим ему еще несколько минут понаслаждаться романтическими фантазиями. Ты любишь их за то, что от них не приходится ждать ответа, да, Эйс? Тебе нравятся такие же вежливые и общительные, как ты сам?

Я тихонько прыснула, прикрыв рот рукой. Отчасти на нервной почве, а отчасти, чтобы разрядить назревавшее… что-то. Электричество, распространявшееся в воздухе, можно было пощупать руками.

– Какое снаряжение вы взяли с собой?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: Мэйсон обращался ко мне. Он отнес миску Корби в раковину и задал вопрос, не подумав даже повернуться ко мне лицом.

– У тебя в машине. Какое там снаряжение? – повторил он. – Что вы взяли с собой в горы?

– А что? – Я не понимала, при чем тут вообще наше снаряжение.

– Спальники, палатки, консервы? Есть что-нибудь полезное?

– Кому полезное? У вас тут полный дом с обстановкой.

– Мы взяли спальники, палатку, аптечку и немного еды, – рассказала Корби. – Но все осталось в машине. А она застряла на дороге. И поэтому мы здесь. – Она медленно проговаривала каждое слово, явно намекая, что мы уже все обсудили и один только Мэйсон до сих пор не врубается.

Не обращая внимания на Корби, Мэйсон продолжил расспрашивать меня:

– Спички?

– Поршневая зажигалка.

– Компас и карта?

– Компас. – По какой-то причине я промолчала о карте Келвина, которая по-прежнему была засунута в задний карман.

– Фонарики?

– Да, в том числе налобные.

– Ледоруб?

– Нет. – На самом деле у меня была мысль взять один, но потом я решила, что мне вряд ли представится шанс им воспользоваться – зная, как моя подруга относится к походам.

– А вам-то что за дело? – раздраженно встряла Корби.

– А то, – проговорил Шон, вставая, – что мы с Эйсом тоже тут застряли, пережидая метель. Правда, никакой снаряги мы не взяли, потому что не планировали оставаться надолго. И если хотим выбраться отсюда до того, как снег растает и дороги очистятся, нам потребуется ваше снаряжение. А именно это мы и собираемся сделать: свалить с этой чертовой горы как можно скорее.

Мне потребовалась целая минута, чтобы понять: предмет, который он вытащил из-за пояса, – это пистолет. Он лениво взмахнул им в мою сторону, и у меня в горле неожиданно образовался и застрял пузырек смеха. Картина, которую я видела, и картина у меня в голове решительно не совпадали. Пистолет. Направленный на меня. Да это просто не укладывалось в сознании.

– Шон? – проговорила я, не сомневаясь, что все это шутка, проявление его странного чувства юмора.

Он не ответил.

– В комнату, вы обе, – приказал он с холодным безразличием в голосе. – Мы можем сделать все по-хорошему, или вы получите по пуле. Уж поверьте: если вы только пискнете или попробуете драться или просто спорить, я выстрелю.

Я, окаменев, тупо глядела на него. Странное желание рассмеяться по-прежнему щекотало глотку. И тут я увидела глаза Шона: ледяные, бесчувственные – и удивилась, как же не замечала в них этого раньше.

– И уясните себе главное: я не блефую. Ваши тела не найдут еще долго, а к тому времени мы с Эйсом уже перейдем через горы и свалим куда подальше. Терять нам нечего. Итак, девочки, – он внимательно смотрел на нас. – Как будем действовать?

Глава 6

Ледяной страх пульсировал у меня в венах, но я сделала все, как он велел.

Поднявшись из-за стола, оцепенело позволила Шону вывести меня из комнаты. Корби шла прямо за мной, я слышала ее всхлипывания. Я знала, о чем она думала, потому что та же мысль пронзила и меня: сколько времени пройдет, пока Келвин осознает, что мы в беде, и отправится на поиски?

А когда отправится, как будет искать нас, если метет пурга, я, скорее всего, свернула не на ту дорогу и мы далеко ушли от машины? То, что Кэл нас сможет отыскать, находилось за гранью реальности.

Шон провел нас через комнату и рывком распахнул дверь, за которой открылась маленькая кладовка с пустыми пластиковыми полками по стенам. Сперва мне показалось, что от пола до потолка шла водопроводная труба, но потом парень щелкнул фонариком, и я увидела, что это металлический шест. Что-то в нем придавало комнате зловещий вид. На металлической поверхности виднелись царапины, которые могли быть оставлены цепями, которые скользили по ней. Замкнутое пространство переполнял запах несвежей мочи и мокрой псины. Мне пришлось заставить себя не делать дальнейших выводов.

– Держи Корби здесь, – бросил Шон, повернувшись к Мэйсону. – Я хочу поговорить с Бритт наедине.

– Вы не можете так поступать! – пронзительно завопила Корби. – Вы знаете, кто я? Вы вообще представляете, кто я?

Последние слова вышли смазанными – Шон ударил ее пистолетом по лицу, оставив красную полосу на коже.

Я ахнула. По отношению ко мне мой папа никогда не позволял себе ни малейшей грубости. Даже не повышал голоса. С насилием я была знакома только из кинофильмов и телепередач, а вживую видела, как человек ударил другого человека, только один раз. Много лет назад меня пригласили переночевать у Корби, и среди ночи, выбравшись из спальни попить, в темном коридоре я стала свидетельницей того, как мистер Верстеег резко ударил Келвина по голове, сбив сына с ног. Верстеег-старший рявкнул, чтобы Келвин встал и принял наказание как мужчина, но Кэл неподвижно растянулся на полу. Со своего места я даже не видела, дышал ли он. Отец оттянул сыну веки и пощупал пульс на шее. Потом отнес в кровать. Я бросилась обратно в спальню, но заснуть уже не смогла – беспокоилась, в порядке ли Келвин. Хотела даже сбегать проверить, но что,

если мистер Верстеег бы вернулся? Я никогда не говорила Келвину о том, что видела, и долгие годы пыталась стереть это из памяти.

Схватившись за щеку, Корби захныкала.

Как и той ночью в коридоре у Верстеегов, меня бросило в жар и затошнило, хотелось разреветься, хотя физическую боль испытывала Корби, а не я.

В глазах Мэйсона вспыхнули ненависть и отвращение, но тут же исчезли, и парень послушно проводил Корби в кладовку, а Шон резким тычком пистолета направил меня по коридору в ванную. Мотнув головой в сторону сиденья унитаза, он грубо бросил:

– Сядь.

Дверь осталась приоткрытой, сквозь щель в комнату просачивалось немного света. Постепенно глаза привыкли к темноте, и из мрака вылепилось его лицо, глаза черными дырками пристально наблюдали за мной, оценивая, вычисляя, прикидывая.

– Дом на самом же деле не твой, так? – тихо спросила я.

Шон не ответил, но я и так уже догадалась.

– Вы взломали дверь? – продолжала я. – Вы с Мэйсоном в бегах?

Если за ними гналась полиция, для нас с Корби это было плохой новостью. Мы могли их опознать. Знали много чего еще: например, на какой машине они приехали. Я могла бы привести полицию к камерам в «Севен-Элевен» и показать, как в точности выглядит Мэйсон. Мы с Корби становились для них обузой. Ничто не могло помешать Шону убить нас.

Он расхохотался грубо и жестоко.

– Ты всерьез думаешь, что я стану тебе отвечать, Бритт? – Опершись кулаком о стену, он склонился ко мне. – Снаряга, о которой ты нам рассказывала, – вот что нам нужно.

– Она в моей машине.

– Сможешь найти к ней дорогу?

Меня подмывало грубо ответить «Нет», однако на краю сознания вспыхнуло предупреждение, и я, повинуясь чутью, ответила:

– Да, думаю, да.

Он кивнул, рука, державшая пистолет, немного расслабилась, и я поняла, что выбрала правильный ответ.

– Далеко идти?

– По снегу около часа.

– Хорошо. А теперь опиши мне лучший пеший маршрут с гор на равнину. Без дорог и троп, я хочу оставаться в лесу.

Я вздрогнула.

– Вы хотите идти пешком? Через лес?

– Выходим сегодня. Как только раздобудем снаряжение и припасы.

У Шона явно были проблемы с законом. Если он собрался идти через лес, то лишь для того, чтобы ни с кем больше не столкнуться. Другого объяснения в голову не приходило. Отправиться в лес – ночью, в метель – слишком опасно. Это я и без многоопытного Келвина понимала. Сейчас землю покрывали уже несколько сантиметров снега – быстро по нему не пойдешь, и ногам будет жутко холодно. А если мы собьемся с пути, никто нас не найдет.

– Ты знаешь дорогу или нет? – допытывался у меня Шон.

В этот миг мысль, бешено зудевшая на задворках моего сознания, наконец, прорвалась на свет, и я яснее ясного увидела, что затеял Шон. Это была

проверка. Я – первая, затем Корби. Он сравнит наши ответы, чтобы понять, можем ли мы вывести его с гор. В противном случае мы становились бесполезным довеском.

Заставляя себя быть смелее, я посмотрела ему прямо в лицо.

– Я давно езжу в эти горы и хорошо их знаю. Много раз проходила с рюкзаком разные отрезки туристического маршрута «Хребет Титон» и обследовала весь кряж. Да, я могу вывести вас отсюда. Идти по снегу и в бурю будет намного труднее, но я могу это сделать.

– А ты полезная штучка, Бритт. Это хорошо. Мне нужно, чтобы ты привела нас куда-нибудь, где я смогу найти машину. Что ты на это скажешь? – Шон наклонился ближе, упираясь руками в колени. Лицо подонка поравнялось со мной, и я почти буквально слышала, как ворочаются мозги в его голове. Если ошибусь сейчас, все кончено.

– Я проведу вас через лес к шоссе – одному из первых, которое расчистят. – Я понятия не имела, в каком направлении от нас это шоссе. Я даже где мы не понимала. Но у меня была карта Келвина. Если удастся ускользнуть от пристального взгляда Шона на несколько минут, можно попробовать определить по ней наше положение и решить, куда идти. Я действительно хотела вывести Шона на шоссе. Шоссе – это машины. Люди. Помощь.

– Сколько до него?

– Километров десять, – наугад ответила я. – Но мы же не пойдем напрямик. Может, семь.

– Умница. – Он выглянул в дверь и окликнул Мэйсона, а я облегченно закрыла глаза. Эту часть проверки я прошла – на какое-то время продлила нам жизнь. Очевидно, самая трудная часть: во время похода по лесу убедить их в том, что я знаю, что делаю, – была еще впереди. – Пора меняться. Корби – следующая.

Поравнявшись друг с другом в коридоре, мы с Корби ничего не сказали друг другу. На короткое время наши взгляды встретились, и я увидела, что ее глаза покраснели и остекленели. Нос распух, нижняя губа тряслась. У меня тоже задрожали пальцы, так что я стиснула их в кулаки и кивнула ей, пытаясь

передать тайное послание: «Келвин с Медведем найдут нас».

Но сама толком в него не верила.

* * *

Ветер облеплял окна кладовки большими влажными снежинками, кружившими вихрями, словно косяки белых рыбок.

Выбрав место у дальней стены, так чтобы шест не торчал прямо перед глазами, я откинулась назад и прижала колени к груди. Ледяной холод снаружи просачивался сквозь бетонные стены, и я подскочила, выпрямившись.

– Мне холодно, – пожаловалась я Мэйсону, стоявшему между мною и дверью, охраняя выход. Картина почти комическая: неужели он действительно думал, что я собиралась проскочить мимо него? И куда я пойду: в метель?

– Принеси мне хотя бы куртку! – упорно настаивала я. На мне был красный шарф, который я так и проносила весь вечер, но защититься от холода кладовки это не помогало. – Кажется, я оставила ее в кухне.

– Отличная попытка.

– И что же, по-твоему, я «пыталась» сделать?

Он не ответил.

– Если я смогу улизнуть и заблужусь в лесу, случится трагедия, правда? – продолжила я, внезапно разозлившись. – Тогда некому будет вывести вас с гор. У вас с Шоном проблемы. Что вы натворили? Убегаете от полиции, а?

Мэйсон стоял, плотно сжав губы.

– Что произошло в «Севен-Элевен» утром? – Я пыталась говорить жестким и обвиняющим тоном, но на последнем слове голос все же сломался, обнаружив всю мою боль. – Если ты такой хладнокровный преступник, зачем помогал мне?

Он бросил на меня короткий отчужденный взгляд. Но, по крайней мере, признал, что я существую, – считай, половина ответа.

– Ты подыграл мне, – продолжала я. – Помог обдурить моего бывшего. Ты знал мое имя. Где тот парень теперь?

– Имя было у тебя на футболке.

– Я в курсе, – нервно продолжала я. – Но ты не поленился прочитать его и запомнить. Ты был другим, помог мне. А теперь держишь в заложницах. Я хочу получить объяснение.

Бесстрастное выражение лица вернулось снова.

– Вы что, с Шоном всерьез думаете, что сумеете выкрутиться? Метель кончится, и люди снова поедут в горы. Вы не сможете долго держать нас с Корби в плену так, чтобы никто этого не обнаружил. Люди увидят нас четверых в лесу – походники, отдыхающие, рейнджеры. Им захочется поговорить, потому что в горах все разговаривают. Люди здесь становятся дружелюбными и общительными. Они быстро догадаются, что не все в порядке.

– Значит, уведи нас подальше от них.

– Чем глубже я заведу нас в лес, тем больше вероятность, что мы заблудимся.

– А ты не заблудись.

– Я знаю: ты не такой, как Шон, – не сдавалась я. – Ты не хотел впускать нас в дом сегодня. Знал, что случится дальше, правда? Что твой напарник возьмет нас в заложники. И ты пытался помешать этому.

– Если и так, это не сработало.

– Ты действительно знаешь, что Шон убьет нас? Почему ты не хочешь рассказать мне, что происходит?

– А с чего мне это тебе говорить? – раздраженно огрызнулся он. – Я участвую во всем этом по своим причинам. Если беспокоишься о том, что станет с тобой, подумай, как выбраться из этих гор. Выведи нас – и мы вас отпустим.

– Откуда мне знать, что отпустите?

Он просто посмотрел на меня.

– Ты лжешь! – прошептала я внезапно охрипшим голосом. – Вы не собираетесь отпускать нас.

Его лицо ожесточилось. Красноречивый ответ ужаснул меня.

Меня осенила безумная идея, рискованная, но если нам с Корби предстояло умереть, я должна была сделать хоть что-то. Мэйсону и Шону не нужны были мы обе – только я. Шон уже уверился, что Корби совершенно бесполезна, – она не готовилась к этой поездке так, как я, и это было видно. Я не думала, что смогу вытащить нас обеих из этой ямы, но оставался шанс спасти хотя бы ее. Требовалось лишь заставить Шона поверить, что Корби совершенно бесполезна и ничем ему не угрожает. И что ему лучше оставить ее здесь.

Я тяжело сглотнула. Никогда не считала себя смелой. Я была избалованной папиной дочкой, это да. Если собираюсь следовать своему плану до конца, значит, придется расстаться с Корби. Уверенности, хватит ли мне духу пойти через лес одной с Шоном и Мэйсоном, у меня не было. Но других вариантов я не видела.

– У Корби диабет первого типа, – проговорила я. – Ей нужно принимать инсулин, без него она впадет в кому, и, если надолго, то – все.

Однажды в летнем лагере мы убедили старших в том, что у Корби диабет и для того, чтобы участвовать в общественно полезных работах, она чувствует себя неважно. И пока все остальные собирали мусор на берегу реки, мы уплетали в своем домике пирожные с мороженым, которые стащили с кухни. Если Шон или Мэйсон начнут расспрашивать Корби про диабет, я была уверена: она вспомнит тот обман и поддержит его.

– Врешь.

– Она принимает «Хумалог» и «Лантус» каждый день, чтобы поддерживать концентрацию сахара на уровне как можно ближе к нормальному. – Я знала подробности о диабете первого типа, потому что им болел мой старший брат, Иэн. Если Мэйсон начнет расспрашивать подробнее, я смогу долго рассказывать – эту байку я «продам» легко.

– Где ее лекарства?

– В машине. Сейчас они наверняка замерзли – только выбросить. Долго без инсулина она не протянет. Это серьезно, Мэйсон. Вы должны отпустить ее. Я понимаю: Шона не волнует, выживем мы или нет, но тебе ведь не хочется «вешать» на себя смерть Корби, правда?

Мэйсон пристально смотрел на меня.

– Вы не так уж долго здесь находитесь, лекарство, скорее всего, еще не замерзло. Расскажи, как дойти до машины, я принесу инсулин.

– Мы здесь уже два часа, инсулин замерз в камень.

Волна чего-то неуловимого пробежала по его лицу. Не успела я расшифровать его эмоции, как в дверях возникла тень, и я поняла, что за его спиной стоит Шон. Я не знала, сколько он успел услышать, но глаза его смотрели остро и внимательно. Губы его неприятно скривились.

– Инсулин? Это нехорошо… – наконец процедил он.

– Я принесу его, – сказал Мэйсон. – Заодно захвачу их барахло. Бритт пойдет со мной, покажет дорогу.

У меня подпрыгнуло сердце от этого внезапного поворота событий. Улизнув из дома вместе с Мэйсоном, я могла бы попытаться найти Келвина. Он, должно быть, уже искал нас с Корби, прочесывая дороги около Айдлвайлда. Сколько неверных поворотов я сделала? Один? Мы должны были быть недалеко от Айдлвайлда – в нескольких километрах самое большее.

– Нет, – отрезал Шон. – Бритт останется здесь. Не хочу рисковать: вдруг с нею что-нибудь случится? Она – наш единственный билет из этих чертовых гор. Бритт, расскажи Мэйсону, куда идти. Без глупостей. Если он не вернется через два с половиной часа, мне придется признать, что ты соврала. – И вид у него стал еще более мрачный. – Поверь, детка, тебе не хочется мне врать.

Нужно было убедить Шона выпустить меня.

– Ты же не знаешь, что искать, – повернулась я к Мэйсону. – Ты хоть раз видел инсулин или инсулиновый шприц-ручку?

– Соображу.

– Я не помню точно, куда положила их.

– Это машина, – оборвал меня Мэйсон. – Обыскать ее всю займет не так уж много времени. У тебя оранжевый Wrangler, так?

Я вздрогнула.

– Откуда ты знаешь?

– Заправка, – грубо буркнул он и, не успела я вставить слово, продолжил: – Так как отсюда дойти до твоего джипа?

– Было бы легче, если бы я пошла с тобой.

– Нет, – твердо повторил Шон.

Я почувствовала, что обливаюсь по?том. Шанс ускользал у меня из рук. Если не найду Кэла до того, как мы отправимся в лес, то, возможно, там погибну. Кроме того, Шон неизбежно догадается, что я наврала про инсулин. Вся моя легенда рушилась на глазах.

Конечно, можно было направить Мэйсона не туда, но если он уйдет надолго, Шон поймет, что я его обманула. У меня не было другого выхода, кроме как рассказать, где машина.

А тем временем придумать новую легенду. Когда Мэйсон вернется без инсулина, скажу, что, наверное, забыла его. Внезапно вспомню, как выкладывала упаковку дома на кухонный столик. Возможно, так даже лучше – если они будут думать, что у них нет лекарства для Корби, скорее оставят ее в доме. Особенно если поверят, что она в любом случае обречена умереть. Да и Шон, вероятно, решит, что его не обвинят в убийстве Корби, если она умрет естественной смертью.

– Если стоять к дому лицом, мы подошли слева, – рассказала я. – Пересеки напрямик перелесок, пока не выйдешь на большую дорогу. По ней вниз – и придешь к машине.

– Скорее всего, большую часть пути мне удастся идти по вашим следам, – размышлял Мэйсон. – Снега насыпало уже достаточно, но я увижу, где он был придавлен.

Когда Мэйсон вышел из кладовой, Шон предостерегающе потряс пальцем:

– Оставайся здесь, и чтобы ни звука. Мне нужно пораскинуть мозгами.

Он выключил в кладовке свет, но оставил дверь приоткрытой, и я стояла в одиночестве, уговаривая себя не плакать. Мое дыхание перешло в короткие беспорядочные всхлипы, и я засунула в рот кулак, чтобы приглушить рыдания. Мною все больше овладевало беспокойство: что, если я не смогу убедить Шона оставить Корби здесь? Если он потащит ее с нами, она не дойдет. Даже если выдержит тяжелый и опасный поход по горам, я боялась, что ее нытье и болтовня быстро доведут Шона до ручки.

Вытерев слезы и пошмыгав носом, я постепенно успокоилась. Нужно быть умной. Мозг оставался моим лучшим орудием, и за оставшееся время нужно было оценить положение, в каком мы оказались.

Я перебрала все, что знала о Мэйсоне с Шоном. Шон вооружен, значит, он главарь. Хотя… шестеркой Мэйсон не выглядел. У меня не было времени как следует «прочитать» их дружбу, но я чувствовала напряженное «тяни-толкай» между ними, то, как они словно мерились силами. По большей части Мэйсон позволял Шону делать, что тот хотел. Но не из страха. Я видела, какими глазами Мэйсон смотрел на Шона, когда напарник отворачивался. Ледяной блеск в них

означал что-то гораздо большее, чем неуважение. Презрение? И, возможно, я это придумала, но мне показалось, он записывает каждый ход Шона, словно высматривает его слабые стороны и копит сведения на будущее. Но зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Распространенное прозвище спортивных команд Стэнфордского университета. Дано за красный цвет логотипа и др. университетской символики.

2

Da Ya Think I’m Sexy? (1978)

3

Горный хребет в штате Вайоминг.

4

Курорт на востоке Айдахо.

5

Песня Get Outta My Dreams, Get Into My Car (1988) Билли Оушена.

6

Джорджтаунский университет в Вашингтоне. Один из самых престижнвх в США.

7

Первый понедельник сентября.

8

Традиционные торжества с участием бывших учеников школы или университета, съезжающихся в альма-матер. Обычно проводятся в начале осени.

9

Американская сеть ресторанов.

10

Песня Everyday Is a Winding Road (1996).

11

Mace the Ace – прозвище англичанина Кристофера Джона Мэйсона, бывшего игрока в дартс.

12

Торговая сеть, специализирующаяся на товарах для туристов.

Купить: https://tellnovel.com/bekka-fitcpatrik/chernyy-led-kupit

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити